

НАШИ • ТАМ

ПЕРЕЗАГРУЗКА

ВСТРЕТИМ
XXV СЪЕЗД КПСС
СВОИМИ УСПЕХАМИ В ТРУДЕ!

ГЕННАДИЙ МАРЧЕНКО

ОБРАТНО
В СССР

Annotation

Волей случая наш современник, учитель истории Сергей Губернский, оказывается в своём родном городе... 1975 года. Имея при себе лишь российские деньги и документы, а также простенький телефон и электронную книгу, он пытается выжить в новом для себя мире, о котором знает только из учебников истории и кадров документальной хроники. И не только выжить, но и попробовать повернуть историю страны в новое русло.

Над озером Свитязь, обрамленным жёлто-красным ожерельем лесов, умирал очередной осенний день. На берегу за деревянным столом под навесом сидели двое немолодых людей. Одним из них был первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Пётр Миронович Машеров, вторым – его давний товарищ и боевой соратник, с которым они когда-то партизанили в лесах Полесья, а ныне председатель процветающего колхоза «Светлый путь», Герой Социалистического Труда Николай Николаевич Тertyшный.

Мужчины неторопливо перекусывали простой, но добротной деревенской пищей. Сдобренная топлёным маслом и посыпанная кольцами лука варёная картошка, маринованные огурцы и помидоры, сало с розовыми прожилками, нарезанное тонкими ломтиками...

Не обошлось и без бутылки любимой обоими вишнёвой наливки, которую Тertyшный готовил собственноручно уже не один десяток лет. Пару бутылочек всегда хранил под рукой, на случай приезда старого друга.

– Эх, хорошо сидим!

– И не говори, Петро. Вот так и не вставал бы, сидел бы и смотрел на озеро, на закат, на леса... Правильно, что в семидесятом здесь заказник сделали, а то помнишь, как берег постоянно загаживали? Сейчас совсем другое дело.

Молча выпили ещё по одной, закусили.

– Что-то вспомнилась наша боевая молодость, как мы с тобой, Петро, фрицев гоняли. Помнишь, как в сорок втором мост рванули через Дриссу?

– Разве такое забудешь?... Сколько тогда немцы этот железнодорожный мост восстанавливали, неделю? Мы ещё по ним постреливали... А как мы с тобой, Коля, в засаду к егерям чуть не угодили? И ведь как грамотно, паразиты, всё организовали! Не знай мы местный лес как свои пять пальцев, точно сейчас здесь не сидели бы.

Снова помолчали, вспоминая лихие времена. Над озером тем временем почти совсем стемнело. Тertyшный поднялся и щёлкнул выключателем. Под навесом загорелась лампочка, забранная в стеклянный абажур и тонкую металлическую сетку. Тут же вокруг искусственного светила заплясала мошкара. На календаре было 4 октября, но настоящие осенние холода пока ещё не наступили, и всякая летающая мелочь резвилась от души.

– В наше время гнус был злее, – усмехнулся председатель. – И комар повывелся, и народ измелывал.

– Нет, Коля, народ какой был, такой и остался. Не дай бог война, так ведь все встанут как один. Разве что порасплодилось чиновников, а по мне, всю эту братию насквозь ржа проела, а от них и на нормальных людей перекидывается. Приписки, очковтирательство, кумовщина... В южных регионах Союза это особенно заметно, – помрачнел первый секретарь компартии Белоруссии. – У себя в республике я ещё как-то борюсь с подобными недостатками, но это уже такая махина, такого монстра выкормили... Боюсь, как бы не было поздно.

– Насчет этого я с тобой, Петро, полностью согласен. И бюрократов поразвелось... На прошлой неделе ездил в Минск, в республиканский агропромышленный комитет, нужно было пять тонн удобрений выписать. Утром приехал и только под вечер последнюю бумажку подписал. Все нервы там оставил, чёрт их дери. А когда уже главный подпись ставил, словно

бы невзначай говорит: мол, что ж вы, Николай Николаевич, и себя, и людей изводите, могли бы всё за час уладить. «А каким образом?» – интересуюсь. «Да подмазали бы, где надо, мне ли вас учить». «Ах ты ж, – думаю, – гнида!» Чуть за грудки его не схватил, вовремя сдержался.

– Так чего мне не позвонил? Как фамилия этого взяточника?

– Петро, этого уберёшь – другой такой же на его место сядет. Сам же сказал, что прогнило всё.

– Нет, Коля, я это так оставлять не буду. Один раз пожалел, второй, а дальше обернуться не успеешь, как с ярмом на шее окажешься. Мне хоть Леонид Ильич и пеняет иногда, что я гайки у себя в республике закручиваю, но кто-то же должен порядок наводить! Брежнев на съездах партии осуждает алчность, коррупцию, паразитизм, пьянство, ложь, анонимки, но представляет их как пережитки прошлого, изображая настоящее триумфальной победой идей социализма и коммунизма. Он же не видит, что в стране происходит, не знает ничего! Что на полках магазинов пусто, но практически всё можно достать, заплатив сверху кому надо. Твой же случай тому наглядное подтверждение. Что мы, не можем обеспечить население стиральными машинами, телевизорами, автомобилями? Почему в той же Германии, которая была повержена нами в сорок пятом, уровень жизни намного выше? Мы что, работать разучились? Или, может, никогда не умели?

– Умели, Петро, умели. Уж нам ли с тобой не знать, как надо работать! Вон, мозоли на руках. До сих пор, бывает, по старой привычке за штурвал комбайна сажусь. Да и ты частенько на работе допоздна засиживаешься, знаю, что не раз прямо в кабинете спишь на диване по три-четыре часа.

– Да, случается... Но, видать, мало таких, как мы с тобой. Есть у меня мысль, почему так, почему днём с огнём не найти настоящих коммунистов, честных и неподкупных. Всё просто: честные и неподкупные первыми шли в атаку, поднимали солдат за собой и первыми погибали. Война закончилась, и на руководящие должности повылезали те, кто отсиживался в тылу, понаграждали друг друга звёздами... Ты вот, Коля, за то, что спас из-под расстрела целую деревню, получил Красную Звезду, хотя вполне мог рассчитывать на «Героя».

– Да бог с ней, со звездой...

– Нет, Коля, не бог с ней. Вот так раз рукой махнули, второй и в итоге получили то, что имеем. А вообще ты прав, гнилое дерево нужно рубить под самый корень. Давно у меня руки чешутся навести порядок хотя бы в Белоруссии, да только получается, что я сам и есть тот самый корень? Рыба ведь с головы гниёт, не поспоришь.

– Ты себя в гнильё-то раньше времени не записывай. Без ложной скромности скажу, что благодаря таким людям, как ты и я, дела в республике ещё неплохо обстоят. А вот в союзном руководстве, – Тертышный понизил голос, – там давно пора бы чисткой заняться.

– Да и не говори... Сколько раз я пытался до Брежнева достучаться! Не он, так его свита мне рот затыкает. Его же окружила камарилья лизоблюдов, пекущаяся только о своём благосостоянии и своих близких. Живут одним днём, сейчас урвать, а дальше – хоть трава не расти. Я уж думал, Андропов сможет на Леонида Ильича повлиять. Так он мне прямым текстом: «Пётр Миронович, давайте каждый будет заниматься своим делом. Вы сидите у себя в Белоруссии – и сидите. А мы тут как-нибудь сами разберёмся». Эх!..

Машеров махнул рукой и влил в себя ещё рюмку наливки, закусил ломтиком сала и отщипанным от краюхи кусочком хлеба. После чего решительно отодвинул полупустую бутылку.

– Всё, хватит на сегодня. Хоть и не «болеешь» с твоей наливки, а у меня завтра две встречи намечены. Одна из них, кстати, с представителями индийского Бангалора, города-побратима Минска. Помнишь, в позапрошлом году я тебя приглашал на встречу с ними? А я как слышу об индусах, сразу вспоминаю, на какую сумму мы им уже помощи оказали. А в страны соцлагеря и того больше вкладываем. Раздариваем миллиарды долларов. А ведь они и в СССР пригодились бы. Наша экономика серьёзно отстаёт от той же американской. Мы ведь, случись что, только на ГДР опереться можем. А остальные союзнички предадут при первой же возможности.

– И не говори, – почесал затылок Тertyшный. – Куда ни кинь, всюду клин. К слову, вот помянул ты Андропова... Я всё думаю, ведь человек всю войну прятался за свою номенклатурную бронь, за свою болезнь, за жену и ребёнка, после Победы писал доносы на товарищей, проливавших кровь в партизанском подполье, но ведь пробился не абы куда, а в председатели Комитета государственной безопасности! Нет, может, он и честный, ответственный работник, но всё равно этот осадочек не даёт мне покоя.

– Честный и ответственный, Коля, – это начальник ГРУ Ивашутин. Нет, то, что земляк, белорус, – это роли не играет. Пётр Иванович ни разу на моей памяти не дал повода усомниться в своих человеческих качествах. Даже удивительно, что его ещё злопыхатели не съели. Но он орешек крепкий, о него многие уже зубы обломали.

– Это точно. Я слышал, сам Андропов его побаивается.

Тertyшный как бы невзначай оглянулся в сторону стоявшей поодаль бревенчатой хаты, в которой слабо светились окна.

– Не спит твоя охрана, вон, один в окошко поглядывает, второй на крылечке сигарку смолит.

– Ежели сигарку смолит, то это Лёша, из моих ребят. Помнишь Васю Фролова, с которым подпольный райком организовывали? Так это сын его. А второй – это человек Андропова, начальник охраны. Юрий Владимирович приставил его не столько охранять меня, сколько докладывать своему шефу о каждом моём шаге... Эх, хорошо здесь, покойно. Надо сюда почаще приезжать.

– А что, и приезжай! Тут от Минска по трассе полтора часа хорошего хода. Организую всё как надо, в лучшем виде.

– Уж в тебе-то я, Коля, ни грамма не сомневаюсь. Молодец, что взялся курировать заказник, навёл здесь порядок. Кстати, помощь не нужна, справляешься?

– Вроде справляюсь. Колхоз у нас – миллионер, можем себе позволить, как говорит дочка, шефскую помощь... Ну что, по коням? У тебя завтра дела, у меня вообще выходных не бывает. Давай потихоньку собираться.

Увидев, что Машеров поднялся из-за стола, к нему тут же двинулись сотрудники охраны, а водитель скорым шагом отправился прогревать двигатель ЗИЛа. Пётр Миронович всегда сидел на переднем пассажирском сиденье рядом с водителем. Ровно через пять лет он также должен будет занять место рядом с водителем, только уже не в ЗИЛе, а в неизвестно почему подогнанной к зданию ЦК «чайке», носившей в народе название «консервной банки». А спустя час на трассе по пути к Жодину в «чайку» на полной скорости влетит груженный картофелем самосвал. Пётр Машеров, его водитель и офицер охраны погибнут на месте. Но что, если историю немного подправить?

Позвольте представиться: Сергей Андреевич Губернский, 35 лет от роду, шатен, среднего роста. Немного близорук, так что, работая за компьютером или ноутбуком, приходится надевать очки. Большой поклонник хорошей музыки, невзирая на жанры, главное, чтобы мелодия нравилась, хотя всё же тяготеющий к року. И любитель побренчать на гитаре в свободное время. А так с виду ничем не примечательный персонаж. Кстати, в паспорте стоит отметка: «Разведён».

Что обидно, налево сходил-то всего один раз, когда сидели в весёлой компании дома у друга, и там я познакомился с симпатичной, интеллигентной девушкой в очках с изящной оправой. Впрочем, интеллигентной она была до третьей рюмки, а после пятой оказалась не прочь уединиться со мной в соседней комнатухе, где на старом, комментировавшем все наши прыжки скрипом пружин диване случилось непоправимое... Сначала мне казалось, что лёгкая интрижка останется между нами, но кто-то из наших общих друзей, похоже, донёс до Татьяны «приятную» весть об измене. До битья посуды дело не дошло, но вердикт благоверной был однозначным: «Собирай свои манатки и пошёл вон! В следующий раз увидимся в загсе, а если ты против развода – то в суде!»

Чувствуя свою вину, я попытался уладить возникший конфликт, но противная сторона ни в какую не желала идти на примирение. Тогда я плюнул на всё и вскоре обзавёлся штампом в паспорте и свободой.

Детей с Татьяной у нас не было. Я несколько раз намекал ей чуть ли не прямым текстом, что пора бы уже задуматься о продолжении рода. Однако благоверная каждый раз находила отговорки. Впрочем, поскольку по профессии я учитель истории старших классов, то недостатка в общении с подрастающим поколением не испытывал. Что особенно приятно, мои оболтусы меня обожают, чем может похвастаться редкий педагог. Наверное, потому, что уроки я провожу в несколько неформальной манере, используя игровой элемент. А ещё мы частенько путешествуем по старой Пензе – моему родному городу. Что может предложить пензякам и гостям города обычная экскурсия? Памятник Первопоселенцу, Музей одной картины, музеи Ульяновых, Ключевского, дом Мейерхольда... Никакой экскурсовод никогда вас не заведёт в те проулки и дворики, куда вожу я своих учеников.

Сегодня суббота, уроки в школе закончились раньше, чем в будние дни, и мы с моими спиногрызами из 10-го «Б» в очередной раз отправляемся исследовать центр города. Я решил пройти от бывшего кинотеатра «Родина» до картинной галереи, а затем вниз по Володарского до улицы Горького. Иногда я заранее изучаю маршрут движения, пытаюсь найти какие-то интересные зацепки. Но обычно предпочитаю импровизировать на ходу. Так было и в этот немного пасмурный апрельский день 2015 года.

– Ну что, все готовы окунуться в прошлое?

Я окинул взглядом своё маленькое воинство, состоявшее из девяти представительниц прекрасного пола и семи парней. Всего в классе числилось двадцать три ученика. Но кто-то был не таким ярым фанатом краеведения, а кто-то не смог пойти с нами по объективным причинам. К примеру, Лена Борисова занедужила.

Ладно, что имеем, то имеем. Особенно порадовало, что сегодня к нам присоединился Лёшка Габузов. Кое-как сдавший ГИА, государственную итоговую аттестацию, этот охламон постоянно что-то отчебучивал и слыл настоящим наказанием нашей гимназии. Ко всем

урокам, кроме разве что физкультуры, он относился с прохладцей. А тут вдруг решился отправиться с нами. Правда, проследив за его взглядом, я понял истинную причину столь самоотверженного поступка и невольно улыбнулся. Лёшка был по уши влюблён в красавицу Олесю Костину, которая, в отличие от него, живо интересовалась историей и не пропускала ни одной экспедиции, как мы меж собой называли такие экскурсии. Понятно, что сегодня Габузов решил пойти с нами только из-за Олеси.

– Ну, мы готовы, Сергей Андреич, можно трогаться, – поправил лямки пухлого модного рюкзака Витька Болотинский.

Чего он туда напихал, еды, что ли, на весь день? Хотя, скорее, там лежала зеркальная цифровая фотокамера с дорогой сменной оптикой. На днях, зайдя в класс перед уроком, я стал свидетелем демонстрации одноклассникам гаджета, подаренного Витьке предками на день рождения. Не иначе, сегодня решил запечатлеть «вехи большого пути»?

Я же обошёлся маленькой сумкой-планшетом, надетой наискосок через плечо. В одном из её отделов находился простенький, ещё кнопочный мобильник, а в другом лежала электронная книга. Плюс универсальный зарядник, подходивший и к телефону, и к книге. Зарядник я таскал вынужденно, так как телефонного аккумулятора не первой молодости хватало на час-полтора разговора, если же усердно эсэмэсить, то можно протянуть полдня. Давно нужно было купить новый телефон, но всё как-то жаба поддушивала. Да и свыкся я с ним. Этот аппарат прошёл со мной огонь и воду. Причём воду в буквальном смысле слова, потому что однажды тонул в ванной, а второй раз – в лесном роднике, выскользнув из кармана, когда я нагнулся попить ледяной водицы. Да ещё и падал неоднократно, однако работал как миленький.

В электронную книгу я закачал в основном беллетристику, скучных и умных книг мне хватало по работе. Полное собрание сочинений Валентина Пикуля и Юлиана Семёнова, а для разнообразия несколько романов Акунина. Может, кто-то и назовёт книги Акунина китчем, литературной попсой и, возможно, будет прав. Но мне писатель нравился, а почему я не могу читать то, что мне по вкусу?! Правда, политические взгляды Чхартишвили несколько расходились с моими. Кое в чём я с ним был не согласен, но, по большому счёту, в политику я старался не лезть. Для этого есть большие дядьки, а наше дело маленькое – учить детишек уму-разуму.

Хотя, конечно, не такое уж и маленькое. Всё ж таки от родителей и учителей, пожалуй, в равной степени зависит, что будет заложено в голову будущему члену социума и что из него вырастет.

Одет же я был в джинсы китайского пошива, водонепроницаемую куртку NORTEX BREATHNABLE, в кармане которой покоились мой паспорт и портмоне, и в высокие ботинки на толстой подошве, почти что берцы.

Как оказалось, насчёт Болотинского я был прав. Он действительно прихватил с собой фотокамеру, которую вытащил из рюкзака на первой же нашей остановке. А остановились мы у старой башенки возле областного совета профсоюзов.

– Здесь когда-то был вход в подземелья Пензы, – начал я своё повествование. – Подземными ходами до революции была пронизана вся центральная часть города, они тянулись на многие километры. Самые первые ходы пролегли на глубине более двенадцати метров. По периметру они были выложены просмоленными брёвнами и имели трапециевидную форму. Одна из таких галерей существовала до шестидесятых годов прошлого века. При проведении земляных работ ковш экскаватора на глубине двух метров

задел бревенчатый настил, под которым оказалось подземелье. Местная жительница Ольга Глухарёва прошла по лабиринту более пятидесяти метров, освещая дорогу фонарём. Она утверждала, что ход разветвлялся на два направления. Один шёл к Троицкому женскому монастырю, другой – к Советской площади.

– Это возле которой мы и находимся? – спросила Таня Меркурьева, отличница с кривовато сидевшими на носу очками в роговой оправе.

– Сейчас она уже, кстати, называется Соборной, как и до революции. Спасский кафедральный собор, между прочим, возводится практически такой же, который стоял на площади до тысяча девятьсот тридцать четвёртого года, пока его не взорвали большевики... Так вот, – продолжил я, всё больше вживаясь в роль лектора, – во время пожаров, дотла выжигавших деревянную Пензу, священники прятали под землёй горожан. А ещё до наших дней дожила легенда, согласно которой по приказу Емельяна Пугачёва в августе 1774 года в самом длинном туннеле (он насчитывал несколько километров), тянувшемся от центра города под рекой Сурой на остров Пески и далее до Ахун, повстанцы спрятали награбленное – тысячу пудов серебра! Хотя некоторые историки этот факт опровергают, считая действия предводителя бунтарей нелогичными. Ведь отступающему войску как никогда требовались денежные средства.

Рассказал я и о знаменитом бандите Алле (Алексее Альшине), наводившем ужас на пензенских нэпманов. Якобы был он профессиональным цирковым борцом, обладал недюжинной силой и умел гипнотизировать людей. Банда Алле тоже скрывалась в подземных ходах под городом. Вытравить её оттуда не помогло ни затопление подземелий, ни замуровывание входов. Но сколько верёвочке ни виться... Одним словом, Алле всё-таки поймали. Приговор был предсказуем: бандита расстреляли, а его голову залили спиртом и передали на хранение в медико-исторический музей при областной больнице имени Бурденко.

История об Алле произвела на ребят сильное впечатление. Особенно эпизод с заспиртованной головой, и я пообещал, пользуясь своими знакомствами, как-нибудь сводить ребят в этот самый музей.

Тут Лёшка Габузов поднял руку, как на уроке, и заявил:

– Сергей Андреич, а я знаю здесь неподалеку один подземный ход. Хотите, покажу?

Ученики сразу загалдели, что хотят увидеть воочию хотя бы вход в подземелье. Я же знал, что все ходы давно найдены и замурованы, слышал это из самых, казалось бы, достоверных источников. Что и озвучил со скептической улыбкой.

– Да правду говорю! В натуре, гадам буду... – добавил Габузов, чтобы никто не сомневался в его искренности.

– Недалеко, говоришь? Ну что ж, давай прогуляемся.

Мы дружно отправились следом за нашим сусаниным и через пятнадцать минут стояли возле старого двухэтажного дома из красного кирпича. Дом зиял пустыми глазницами окон и был, похоже, давно расселён, ожидая своей очереди на снос. Учитывая, что земля в центре нарасхват, даже за баснословные деньги, рано или поздно здесь либо построят новый жилой дом, либо торговый центр.

– Давайте сюда... Вот!

Габузов остановился у двери, находившейся рядом с подъездом и ведущей в подвал. Дверь эта висела на одной петле и была, наверное, такой же древней, как и сам дом. Из небольшой щели между краем двери и обшарпанным косяком тянуло прохладой и какой-то

затхлостью.

– Да это обычный подвал, – сказала Оля Перова. – Лёш, ты уверен, что там подземный ход?

– Я ж говорю, зуб даю! Айда за мной.

Щёлкнув зажигалкой – ведь наверняка курит, засранец, нужно будет сделать ему внушение, – Габузов толкнул пронзительно заскрипевшую дверь и вошёл внутрь. Фонарика ни у кого не оказалось, зато ещё трое извлекли из своих карманов зажигалки, что мне, человеку некурящему, было весьма прискорбно наблюдать.

– Давайте не все сразу, а то подвал, похоже, тесноват, – охолонил я своих учеников. – Сейчас зайду я и те, кто с зажигалками, посмотрим, что к чему, затем оповестим остальных.

– А у меня в телефоне фонарик, – встряла Лена Сивцева.

– Да?... Ну, тогда пойдёшь замыкающей.

Те, кто не попал в разряд «факелоносцев», жутко расстроились, но я был непреклонен. В итоге я, четверо обладателей простеньких китайских зажигалок и Сивцева спустились один за другим в подвал. Габузов двигался первым, при своём росте под метр восемьдесят вынужденный втягивать голову, чтобы не задеть ею сводчатый потолок, обрамлённый древней паутиной. То и дело приходилось переступать через какие-то доски, мешки, обломки мебели, рискуя наступить на ржавый гвоздь и даже засохшие экскременты.

К счастью, обошлось, и через минуту путешествия по узкому коридору Габузов остановился у дыры в стене, сделанной явно не так давно. Была она не очень широкой, но человек моего сложения при известной сноровке мог протиснуться в отверстие, даже не запачкав одежды.

– Вуаля!

Лёшка сделал жест фокусника в сторону зияющего провала и замер с таким довольным видом, словно только что победил в олимпийском финале на стометровке.

– И чё, ты нам предлагаешь туда лезть? – иронично поинтересовался смахивающий на панду круглолицый очкастый Толя Круглов.

– Канишь! Мы с пацанами лазили, там ход метров на двадцать или тридцать, а потом завал. Думали разобрать его, повозились немного, но больно уж сильно завалено. Может, тротилом попробовать...

Тут уж я решил взять инициативу в свои руки:

– Я тебе сейчас такой тротил покажу, террорист недоделанный!.. Одолжи-ка лучше свой светоч китайской экономики.

Я взял у Габузова зажигалку и смело шагнул вперёд. Потолок оказался ниже, но без паутины, хоть это радовало. А пол – достаточно чистым и ровным, идти было одно удовольствие. За спиной слышались невнятные голоса переговаривающихся учеников. Метров через десять я обнаружил поворот, который мгновенно отрезал меня от всех звуков.

Откуда-то повеяло холодом, хотя огонёк зажигалки оставался ровным, а по спине пробежало стадо мурашек. Интересно, а что собой представляют эти самые мурашки? Понятно, что это не насекомые, как когда-то под общий смех высказала моя маленькая племянница, а, скорее всего, реакция нервных рецепторов на какой-то раздражитель... Ну да при желании можно порыться в Сети, поискать там ответ. И вообще, какая-то ерунда лезет в голову.

А вот и завал. Действительно, кто-то уже ковырял его, но без особого успеха. Ради приличия я попытался выдернуть обломок красного кирпича из груды перед собой, но также

потерпел крах. М-да, а ведь действительно впереди может быть что-то интересное. Подземный ход и впрямь выглядел старинным, вдруг там, за завалом, ну не библиотека Ивана Грозного, конечно, а, к примеру, записка какого-нибудь купца Будылина?..

Не успел я закончить свою мысль, как что-то ширкнуло у меня прямо за спиной. От неожиданности я резко дёрнулся вперёд, а в следующее мгновение почувствовал сильный удар по голове и после вспышки в глазах потерял сознание...

Очнулся я от ощущения щекотки в левой ноздре и боли в области виска. Приоткрыв глаза, ничего не увидел, было темно хоть глаз выколи, поэтому источник щекотки решил выяснить на ощупь. Провёл по лицу рукой и тактильным методом обнаружил в районе верхней губы какое-то мелкое живое существо.

«Мокрица», – тут же мелькнула мысль, и я с отвращением скинул с лица щекотавшийся объект.

Другая рука очень кстати нащупала потухшую зажигалку. Прежде чем встать, на всякий случай я решил осветить пространство над собой. Мало ли, одного удара о каменный выступ мне хватило, надеюсь, что височная кость цела и всё обойдётся только небольшой шишкой.

При скромном освещении я увидел в паре метров над собой всё тот же сводчатый потолок. Значит, все нормально, можно подниматься.

Сделать это удалось не без труда. В голове ещё гудело, а после пребывания на более чем прохладной земле я также боялся отморозить себе какой-нибудь жизненно важный орган типа почек. Кстати, интересно, сколько я так пролежал без сознания? Минуту, две или полчаса? Хотя, если полчаса, мои ребята давно уже отправились бы на мои поиски.

Поправив ремень сумки-планшета, двинулся вперёд. Завал был на месте, правда, мне он показался более свежим. Надо будет подбить ребят из старшеклассников покрепче и в свободное время вернуться сюда с ломami и лопатами. Или раскопки нужно согласовывать с какими-нибудь чиновниками? Как бы там ни было, я загорелся этой идеей и решил тут же поделиться ею со своими учениками, ожидавшими меня у входа в этот лаз.

Но дыры в общий коридор не было! То есть она была, но оказалась заколочена досками. Выглядели они не очень крепкими, да и щели между ними зияли весьма солидные. Видать, спешили мои подопечные. Ну я вам устрою...

– Алё, шутники одноклеточные, больше ни на что мозгов не хватило, кроме как тупо приколоться?

Ответом мне была тишина. Это меня вконец разозлило, и я со всей дури врезал по доске ногой. Та хрустнула, но устояла. После следующего удара вылезли два гвоздя снизу, а ещё одного удара хватило, чтобы выбить доску полностью. Какое-то время ушло на выбивание следующей доски, и в итоге образовалась достаточно широкая щель, чтобы я мог в неё протиснуться.

Учеников не оказалось и в общем подвале. К моему удивлению, пол подвала был намного чище, во всяком случае, засохшее гуано отсутствовало, а у стенки я разглядел даже старенький велосипед «Сура», когда-то выпускавшийся на нашем ЗИФе.

Твою мать, и главная входная дверь заперта! Причём заперта снаружи и выглядела так, словно её поставили только месяц назад. Блин, да когда эти охламоны всё успели так изменить-то?! Может, я в том лазе не пару минут без сознания пролежал, а намного больше? Но в конце-то концов, не полные же дебилы мои ученики, чтобы бросить своего любимого (как я надеялся) педагога в таком положении да ещё навешать везде дверей?..

В любом случае ответ я мог получить только из первых уст. А чтобы добраться до этих долбоящеров, мне придётся выломать эту дверь.

Висячий замок снаружи слетел вместе с ушком после трёх ударов ноги. Такими темпами я скоро смогу номинироваться на какой-нибудь пояс по карате, например жёлтый

или красный, не знаю уж, с какого они там начинают.

Я выскочил во двор... и замер. Потому что это был не тот двор, из которого мы заваливались в подвал. То есть это был он и одновременно не он... Дом выглядел явно жилым, словно некий волшебник взял и повернул время вспять, причём сразу на несколько десятилетий. В окнах висели простенькие тюлевые занавески, на некоторых подоконниках стояли живые цветы, а из одного оконного проёма чуть не по пояс высунулась женщина с бигудями на голове и крикнула:

– Лёнька, ну-ка, быстро домой, обед уже час стынет!

Лёнькой, вероятно, был мальчуган лет семи с игрушечным самосвалом. Поцарапанный пластмассовый самосвал жёлтой расцветки явно не походил на современные игрушки, он словно вынырнул из моего забытого детства.

– Щас, мам, только дом дострою.

Стройплощадкой служила песочница в дальнем углу двора, куда Лёнька тащил на верёвочке свой самосвал, гружённый мелкими камнями. За действиями мальчика со скамейки, подслеповато щурясь, наблюдала бабушка, закутанная, несмотря на солнечную погоду, в тёплую серую шаль.

Хм, может, это всё-таки не тот двор? Может, я вылез с какой-то другой стороны, потеряв после удара головой пространственную ориентацию? А мои ребята до сих пор стоят и ждут меня у другого входа?

Все эти мысли пронеслись в моей голове со скоростью хорошей скаковой лошади. Я даже было дёрнулся залезть обратно в подвал, но подумал, что поиск второго выхода может затянуться, и тогда желательно найти более стабильный источник света, нежели китайская зажигалка. Я помнил, что выше по Московской находился магазин, торгующий радиодетальями и прочей ерундой, включая фонарики самых разных калибров.

Но едва я вышел на Московскую, как меня ждал новый удар. Это была, несомненно, Московская, но, увидев её, я начал подозревать, что, возможно, о своей версии по поводу второго выхода из подвала немного погорячился. Судя по всему, – я даже ущипнул себя, что, впрочем, не вернуло меня в привычный мир, – я оказался в Пензе советского периода. Причём самого застойного, если основываться на том, что место привычного асфальта занимала булыжная мостовая, которой часть Московской была ещё замощена до начала 80-х.

Вверх по улице пропыхтел «икарус» 8-го маршрута, окутывая пространство позади себя клубами чёрного дыма. На здании напротив красовалась вывеска «Кукольный театр», справа от меня располагалось швейное ателье «Руслан и Людмила». А люди... Одежда на них была самая что ни на есть совковая, похоже, на ближайший квартал вокруг как минимум я оказался единственным человеком, одетым столь вызывающе – в джинсы, импортную куртку и ботинки полуармейского образца. Мимо меня прошли двое подростков лет шестнадцати, о чём-то оживленно беседуя. Один из них, поправив на голове «петушок», уставился на мой прикид с таким видом, словно я был извалян в дёгте и пуху. Толкнув локтем товарища, что-то зашептал ему на ухо, то и дело косясь в мою сторону. После чего, периодически на меня оглядываясь, парни пошли дальше.

Добил меня плакат, растянутый на фасаде одного из домов: «1975-й – Международный год женщины». Так это я что, реально угодил в прошлое на сорок лет назад?!

Я буквально кинулся к первому встречному – солидному мужчине лет сорока пяти, в драповом пальто и шляпе, с портфелем в правой руке.

– Извините за немного странный вопрос... Я лечился после аварии и теперь страдаю

частичной потерей памяти. Не скажете, какие сегодня год и число?

– М-м-м... Если я ничего не путаю, то 18 апреля 1975 года. День недели – пятница. Я удовлетворил ваше любопытство?

– Спасибо, очень вам признателен.

Ну всё, «картина Репина „Приплыли“»... Даже если принять за гипотезу, что всё это – величайшая мистификация, то как можно было объяснить отсутствие сотовой связи? Неизвестные шутники снесли или обесточили вышку «Мегафона»? Уж в это, честно говоря, верилось с трудом.

Не считая проглоченной в детстве повести «Янки при дворе короля Артура», как-то мне довелось прочитать несколько книжонок из серии «Альтернативная история». В одной из них главный герой попадал в прошлое, аккуратно в 1941 год, и не без его помощи Советская армия выигрывала войну не за четыре года, а за два. А в другой книге попаданец провалился примерно в это же время, в эпоху так называемого застоя. Так тот время даром не терял, сразу врубился, что нужно менять будущее, устранить и Горбачёва, и Ельцина с ним до кучи. Правда, книжку ту я почему-то не дочитал, уж не помню почему...

Но идея мне понравилась. Я невольно примерил на себя судьбу главного героя, решив, что, может, тоже взялся бы менять будущее. Чтобы не было лихих 90-х, в которые сгинул мой отец. Его просто взял и подставил партнёр по бизнесу, человек, которому отец доверял, как брату. Взяли под проценты деньги у какого-то полукриминального банка, чтобы закупить товар для магазина сантехники. Ну а дружок с этими нехилыми деньгами и слинял. Под документом, как назло, стояла подпись отца.

Помню, вечером того дня, когда выяснилось, что партнёр исчез, отец пришёл домой мрачнее тучи и сразу опустошил пол-литровую бутылку водки.

«Деньги взял из сейфа магазина, пока меня не было, и с полной сумкой исчез в неизвестном направлении. Оба продавца видели, как он уходил», – успел сказать батя перед тем, как отрубиться.

А потом с него стали требовать долги кредиторы. Отец продал чуть ли не за бесценок магазин. Затем нам пришлось разменять трехкомнатную квартиру, переехав в полуторку, чтобы выплатить хотя бы часть долга. Но и этого оказалось мало. Проценты только росли. А в один из дней дома раздался звонок, телефон взяла младшая сестрёнка, передала трубку матери, после чего сухой, беспристрастный голос сообщил, что Андрей Владимирович Губернский найден мёртвым с огнестрельным ранением на обочине трассы М-5. Просьба приехать для опознания в морг судебно-медицинской экспертизы. Убийцу так и не нашли...

Воспоминания об отце наполнили моё сердце тоской. Нужно встряхнуться. Ладно, бог с ними, с 90-ми. Я сейчас в 1975 году, до развала страны ещё лет пятнадцать, хотя, впрочем, горбачёвская перестройка начнётся уже через десять. Мне-то что делать?! А если всё-таки попробовать снова забраться в подвал и вернуться в своё будущее?

Но, едва снова оказавшись до дворе, я увидел не совсем приятную, даже, можно сказать, грустную картину. Возле приоткрытой двери в подвал, на которой сиротливо болтался сорванный мной висячий замок, стояли давешняя старушка и милиционер в лейтенантских погонах, что-то старательно записывающий в свою папку. Тут подслеповатая бабка продемонстрировала, что со зрением у неё всё в порядке, вытянула скрюченный палец в мою сторону и довольно громко проскрипела:

– А вон он, гляди-ка, вон он, фулюган!

Сам не знаю, откуда в моих ногах взялась такая резвость. Пока участковый (почему-то я

подумал именно так) ещё только поворачивал ко мне лицо и подносил ко рту свисток, я уже рванул обратно в проулок, выскочил на Московскую и ломанулся под горку. Направление выбрал интуитивно, наверное, потому, что вниз бежать быстрее. Вот ноги меня и понесли мимо хлебного магазина в сторону магазина «Снежок». Под удаляющиеся милицейские трели я свернул налево, оставив по правую руку девятиэтажный дом, в котором в то время, если мне память не изменяет, должен был располагаться магазин «Малыш».

Не в том смысле, что я помнил это лично – родился я только спустя пять лет, в год Московской Олимпиады, – но прекрасно знал, как человек, интересующийся историей, что в 1975-м первый этаж многоэтажки занимал «Малыш». Там и по сей день какие-то магазины и банки, ну на то он и первый этаж.

Как бы там ни было, бежал я минут пятнадцать и, только обогнув Дом учителя, который изначально был католическим костёлом, запыхавшийся, словно орловский рысак после финального забега, позволил себе передышку. В надежде, что участковый не станет преследовать меня до победного и уж тем более не объявит по радиации об охоте на подозрительную личность. Хорошо бы он меня принял за обычного алкаша, который шарится по чужим подвалам. Правда, для любителя выпить я слишком хорошо бегал и был очень уж прилично одет, но надеялся, что данный факт не особо насторожит сотрудника доблестной милиции.

Сев на грубо сколоченную скамейку во дворике двухэтажного дома – с первым этажом каменным и вторым дощатым, – я постарался направить свои мысли в рациональное русло. Чушь какая-то! Да этого просто не может быть! Я, житель XXI века, прячусь от милиционера в 1975 году! Может, я сошёл с ума и на самом деле нахожусь не в старом пензенском дворике, а в палате для душевнобольных?

Тем временем наступил вечер, стало довольно прохладно, да и жители дома, возвращающиеся с работы, искоса на меня поглядывали. Нечего здесь засиживаться. Вроде бы погоней не пахнет, и очень хочется есть. Можно бы зайти в первый попавшийся магазин и, даже в те годы тотального дефицита, купить хотя бы булку с пакетом молока. Вот только деньги при мне были российские, а толку от них здесь не больше, чем от рулона туалетной бумаги. Впрочем, бумагой хоть можно потереться, а дензнаки и на подобное вряд ли сгодятся. Да и время, если судить по показаниям теперь безмолвствующего сотового телефона, уже приближалось к 8 часам вечера. Это в будущем магазины стали работать до 11 часов, а многие супермаркеты и вовсе круглосуточно. В Советском Союзе ситуация отличалась. Круглосуточных кинотеатров нет, ночных клубов тоже, в рестораны ходят редко и по большим праздникам, и что остаётся делать рядовому советскому гражданину? Правильно, смотреть программу «Время» – и на боковую.

Есть захотелось так сильно, что я почти был готов отправиться на ближайшую помойку в поисках корочки хлеба. Не повезло ещё со временем года. Здесь, как и в моём времени, стоял конец апреля. Если бы я угодил в июль или август, то уже мог бы полакомиться яблоками, сливами и прочими дарами природы. Вспомнилось, как ещё малолеткой вместе с более старшими ребятами мы лазили по заброшенным садам, росшим в изобилии чуть ниже памятника Первопоселенцу, получившему в народе имя Первопроходимца. В 1975 году, если память мне не изменяет, памятника ещё не было и в помине. Ну да, точно, его установили в 1980-м, в память 600-летия Куликовской битвы, по инициативе второго секретаря Пензенского обкома КПСС Георга Мясникова. Всё-таки историку по образованию трудно забыть такие даты.

Ну что, не ночевать же здесь, под открытым небом. Я огляделся. Чуть поодаль не торопясь дефилировала парочка – мужчина и женщина средних лет. Рядом шествовало их маленькое чадо, девочка лет пяти с косичками-баранками. Она держала в руке нечто, похожее на выбивалку ковра, только к верхней части этой «выбивалки» были приделаны штук десять разноцветных пропеллеров-вертушек, лениво крутившихся от слабого ветерка.

На другой стороне дороги, напротив Дома учителя, какой-то пожилой мужчина копался под капотом «Москвича». Не будучи большим автолюбителем, я не очень разбирался в ретроавтомобилях и не мог сказать наверняка, что это за модель, хотя и не сомневался, что транспортное средство сошло с конвейера АЗЛК. Уж на это моих познаний хватало.

«Может, вернуться наконец к тому подвалу? – мелькнула мысль. – Ведь наверняка там не дежурит наряд милиции, всё уже успокоилось...»

А почему бы и нет? Если удастся вернуться в Пензу 2015-го, то там уж и наемся от души, и отосплюсь, вспоминая потом попадание в 1975-й как забавное приключение или просто странный сон. Если, конечно, мне удастся попасть в будущее. Надеюсь, для этого не придётся стучаться головой о кирпичную стенку и терять сознание.

Однако моим мечтам не суждено было сбыться. Да, милицейский наряд засаду на меня у заветной двери в подвал не устроил, и толпа обеспокоенных соседей отсутствовала. Но сама дверь – и когда только успели? – выглядела теперь неприступной крепостью. Это была не старая, состоявшая из кое-как пригнанных друг к другу досок, а мощная, обитая железом дверь, да с таким замком, который ломом не собьёшь. Учитывая, что лома у меня не было, да и посторонний шум мог вызвать у жильцов дома совершенно ненужное раздражение, я попал в весьма незаурядную ситуацию.

Побродив возле подвальной двери, как кот вокруг недоступной миски со сметаной, я вынужден был расписаться в собственном бессилии. И что делать дальше? Нужно как-то провести ночь, пусть даже и на голодный желудок, а уже утро, как говорится, вечера мудренее...

Спать на лавочке холодной апрельской ночью мне не улыбалось. Оставались хотя бы подъезды. Единственное, что меня утешало во всей этой ситуации, – отсутствие на дверях подъездов кодовых замков и домофонов. Были, были всё-таки свои плюсы и в 1975-м!

Побродив по окрестностям, я выбрал для ночлега широкий подоконник в одном из домов старой постройки. Отсутствие побелки порадовало, не хотелось утром оттирать куртку. Замазанная красной краской лампочка давала совсем мало света, что мне было в общем-то на руку, поскольку при ярком свете я спать не могу. А выкручивать лампочки в чужих подъездах – это, пожалуй, моветон.

Было жестковато, да и прохладно, поскольку от батареи под подоконником толку ноль, отопительный сезон явно закончился. Но всё же не как на улице. Перед сном ещё раз провёл ревизию своей сумки. Полистал с тоской российский паспорт и неожиданно обнаружил за подкладкой мини-карту памяти от сотового, подходившую и к электронной книге. Ого, я уже и забыл о ней. Помню, что там было несколько фотографий и какое-то видео. Ну-ка, посмотрим через «ридер»...

Ну да, вот мы с бывшей улыбаемся в камеру, это какая-то пьянка, а на видео – день рождения мамы с прошлого года, сестра с мужем и племяншкой машут, кричат что-то неразборчивое. Не помню, в ноутбук сбрасывал фотки и видео или нет... Да теперь это и не важно.

Стало тоскливо, аж хоть волком вой. Лелея себя надеждой, что мне всё же удастся проникнуть в подвал и вернуться в будущее, я смежил веки.

Спалось плохо, только забывался, как начинали мучить кошмары. Сначала перед глазами встала закутанная в шаль бабка и милиционер с огромным свистком, от которых я улепётывал что есть сил. Причём ноги вязли в становившемся почему-то жидким асфальте, и бабка с участковым, которые шлёпали по этой субстанции так же бодро, аки Иисус по воде, меня неотвратно догоняли. Проснулся я в последний момент весь в холодном поту, чтобы через какое-то время вновь погрузиться в очередной тревожный сон.

Окончательно я пробудился от звука хлопнувшей двери этажом выше, после чего кто-то тяжело начал спускаться по лестнице. За окном уже серел рассвет. Быстро сориентировавшись, я спрыгнул с подоконника, поморщившись от боли в затёкшей ноге, и, стараясь шуметь как можно меньше, выскочил из подъезда. Спустя полминуты появился и виновник моего бегства – старичок то ли с длинной щетиной, то ли с короткой бородой, в

ботинках «прощай молодость» и поплёлся к стоявшей на отшибе деревянной будке с двумя дверями. Похоже, удобства здесь имелись только во дворе.

Я достал мобильник, включил, посмотрел время. Дисплей показывал около шести утра. На телефоне оставалась ещё половина заряда аккумулятора, так что в целях экономии я тут же его и выключил. Впрочем, у меня с собой была ещё электронная книга, также снабжённая часами, её я пока не включал.

Разбуженный организм требовал проведения гигиенических процедур. Если уж не бриться, то хотя бы умывания и чистки зубов. Увы, в пределах видимости даже захудалой колонки не наблюдалось, хотя, по моим прикидкам, в те годы водонапорные колонки на улице Пензы не были редкостью.

С тяжёлым вздохом я побрёл прочь со двора куда глаза глядят. На Володарского, куда я вышел, было ещё пустынно, слышалось лишь ширканье метлы дворника. Напротив меня через дорогу и чуть поодаль возвышалось здание НИИФИ, которое за последующие сорок лет почти не изменится, разве что исчезнет растянутый под козырьком крыши лозунг «СССР – оплот мира во всём мире!». Да ещё напротив здания 11-й школы красовался плакат с изображением бровеносца, только пока на груди Леонида Ильича сияли всего две звезды Героя.

По левую руку располагалось трёхэтажное здание, в котором сейчас базировалась 11-я школа, а позже его оккупирует городское управление образования. В душе всколыхнулись воспоминания. Мой неутомный класс, моя школа, пусть и не 11-я, коллеги-педагоги, пробивная, как танк, директор школы Нина Владимировна. Эх, когда мы ещё с вами свидимся!..

Так, хватит нюни распускать! Соберись, тряпка! Пока ты находишься в эпохе так называемого застоя, пытайся как-то здесь выжить. Да, без денег и с российским паспортом, что только усложняет ситуацию. Но история знает тысячи примеров, когда люди выбирались и из более сложных передрыг. А вокруг меня всё-таки не первобытные джунгли и не заснеженная тундра, а вполне цивилизованный городок, к тому же мой родной.

Может, для начала тем же дворником устроиться? Если спросят документы, скажу, что отстал от проходящего поезда, челябинского, например, а документы уехали в купе. Нет, на фиг. Отправят ещё запрос в тот же Челябинск, возникнут вопросы... Тогда уж лучше изобразить... ну, скажем, частичную потерю памяти. То есть как зовут – помню, а вот откуда я – уже нет. Как в «Джентльменах удачи»: тут помню, тут не помню. Фильм вышел вроде бы году этак в 71-м, так что народ уже должен был его растащить на цитаты.

Кстати, о еде. Нужно хотя бы посмотреть цены в местных супермаркетах... то бишь в магазинах. На Володарского торговыми точками и не пахло, значит, нужно вернуться на Московскую.

Правда, пришлось потерпеть, когда магазины наконец распахнут свои двери. Первым это сделал хлебный, располагавшийся напротив кукольного театра «Орлёнок». В ожидании этого момента я наблюдал, как с хлебовозки разгружают хлеб. Одурающе вкусный запах свежееиспечённых ржанных буханок и нарезных, покрытых светло-коричневой корочкой батонов буквально сводил с ума.

К моменту открытия магазина у крылечка собралась небольшая очередь, состоявшая в основном из пенсионеров, все с авоськами. О красивых пластиковых пакетах тогда ещё не знали. Может, они уже и были в ходу в Москве или Ленинграде, но пензяки предпочитали ходить за продуктами с проверенными временем сетками, которые легко выдерживали, к

примеру, три кило картошки, пару пакетов молока и буханку хлеба. Открыть, что ли, подпольное производство пакетов? Сделаться эдаким цеховиком, с риском угодить на нары или вообще встать у стенки. Государство никогда не любило конкурентов, а советское в особенности.

Зайдя в магазин, я присмотрелся к ассортименту и цифрам на ценниках. Батон «Нарезной» стоил 13 копеек, буханка ржаного – 16 копеек, а пшеничного – 28. В 7 копеек обошлась бы булочка «Городская», в 3 копейки – ржаная лепешка... Выбор не ахти какой богатый, не сравнить с хлебными отделами супермаркетов будущего, но почему-то большего и не хотелось. Сейчас бы парочку умопомрачительно пахнущих рогаликов да пакет настоящего советского молока...

Кстати, о молоке. На него я наткнулся в другом магазине, чуть выше по Московской. Здесь предлагалось молоко в полулитровых пакетах в форме пирамидок по 16 копеек штука и такого же объёма в бутылках. Ещё имелись бутылки с ряженкой и варенцом, а сметану развешивали по банкам, с которыми приходили сами покупатели.

Самый большой ассортимент продовольственных товаров оказался в магазине, до революции принадлежавшем купцу Будылину. Бакалея в виде рыбных и овощных консервов, а также круп и макаронных изделий меня не очень впечатлила, хотя, предложи мне кто-нибудь отведать всё это бесплатно, я ни секунды не сомневался бы. Куда больше притягивала взгляд витрина, за которой скрывались колбасные изделия. Правда, разновидностей колбас оказалось не так уж и много и смотрелись они не столь нарядно, как в будущем, но от этого аппетит отнюдь не уменьшился.

Проигнорировав ввиду отсутствия советской наличности очередь за колбасой, направился к выходу. Последний раз я ел больше суток назад, легко позавтракав перед выходом на экскурсию. Теперь мне казалось, что у меня не было во рту крошки как минимум неделю. Хоть падай в голодный обморок. Ирония судьбы... С человеком происходит событие, достойное как минимум Нобелевской премии, а он вынужден думать о том, как бы не умереть с голоду.

Погруженный в свои печальные мысли, я перешёл Московскую и побрёл вниз, вскоре добравшись до овощного магазина, о чём сообщала грязноватая вывеска «Овощи-фрукты». Лет через тридцать на этом месте будет красоваться здание какого-то издательства. Но это дело далекого будущего, а пока, проходя мимо магазина с другой стороны, я увидел довольно симпатичную женщину примерно моего возраста в выглаженном синем рабочем халате, на заднем крыльце распекавшую мужичка бомжеватого вида.

– Вали давай отсюда, алкаш проклятый! Толку от тебя никакого, только и умеешь кланчить на бутылку. Видала я таких грузчиков знаешь где?!

– Валюх, да хорош бузить-то, ну последний раз, душа горит...

– Иди отсюда, говорю, пока участкового не позвала. Ты за час всего два мешка затащил с улицы, а у меня люди стоят в очереди, картошку ждут. Чтобы я хоть раз ещё с тобой, паразитом, связалась!

Валентина замахнулась, что никак не вязалось с её отнюдь не боевой внешностью, и мужичонка, втянув голову в плечи и что-то бормоча себе под нос, побрёл прочь. А несчастная женщина, встряхнув своими каштановыми волосами, принялась с кряхтением подволакивать сетчатый мешок картошки.

Как мужчина, я не мог оставаться равнодушным, а потому тут же предложил даме свою помощь. Валентина, подбоченясь, довольно критически оглядела меня с ног до головы:

– Гляди-ка, помощник нашёлся... На алконавта вроде не похож, одет прилично. Ну, помоги, коль силёнок хватит.

Это я с виду выгляжу отнюдь не Самсоном, разрывающим пасть льву. На самом деле под небольшим слоем свойственного 35-летнему человеку жирка ещё таились довольно крепкие мышцы благодаря редким, но всё же посещениям маленького тренажёрного зала при нашей школе.

Куртку и сумку, чтобы не запачкать, я предпочёл повесить на гвоздик, обнаруженный за дверным косяком. Поднатужившись, взвалил на плечо мешок, под внимательным наблюдением Валентины затащил его внутрь и отправился за следующим. После чего продавщица удовлетворённо присоединилась к своей коллеге, в одиночку отпускавшей товар покупателям.

Минут через десять я закончил работу и поинтересовался, где можно помыть руки.

– Вон в углу рукомойник... Тебя хоть как звать-то?

– Сергей.

– А я Валентина, заведующая овощным магазином. На, держи, заработал... – Она протянула мне смятую и порядком замызганную бумажку коричневатого цвета, на которой я разглядел надпись «Один рубль».

Оказывается, и не продавщица она вовсе, а целый завмаг!

Естественно, от купюры я отказываться не стал, ведь денежку заработал честно, а на этот рубль по советским ценам можно было несколько раз скромно перекусить. Либо один раз, но не совсем скромно.

Поблагодарив Валентину, я спрятал купюру во внутренний карман. Прежде чем распрощаться, предложил:

– Я невольно стал свидетелем вашего разговора с тем... грузчиком. Так понимаю, у вас проблема с рабочей силой?

– Это точно, Михалыч больше выпьет, чем перетаскает. Подрядился у нас за бутылку или трёшку в день работать, но толку, сам видишь, от него мало. А ты что, можешь кого-то предложить?

– Могу себя предложить.

Аккуратные брови Валентины приподнялись, и она ещё раз прошлась по мне оценивающим взглядом:

– А ты сам-то кто будешь вообще?

– Видите ли, дело в том, я помню, как меня зовут: имя, отчество и фамилию. То есть Сергей Андреевич Губернский. Но не помню, кто я по профессии, где работаю и живу. Я очнулся вчера на лавке в скверике, в этой одежде и с сумкой через плечо. Сумка абсолютно пустая, ни денег, ни документов. (О телефоне, электронной книге и российском паспорте я решил пока никому не рассказывать, равно как и о портмоне с российскими купюрами в кармане куртки.) Ночь пришлось провести в каком-то подъезде.

– Вот те раз... Ни с кем не пил вчера? Ничего не употреблял?

– Не помню, – виновато развёл я руками.

– А чего в милицию не пошёл?

– Сам не знаю... Думаете, стоит?

– Так какие ещё варианты? Если помнишь, как тебя зовут, пусть поглядят в каком-нибудь справочнике, в телефонной книге... Ну, я не знаю, как у них это делается, но если ты пензенский, то найдут быстро. А вот если иногородний, тогда дело может затянуться. А ещё

могут в психушку свозить, вколют что-нибудь, чтобы память вернулась...

– Нет уж, что-то мне не хочется в эту вашу психушку, – вздрогнул я, представив, как меня, совершенно здорового человека, мучают изверги в белых халатах.

Валя пожала плечами:

– Ну, дело твоё... А какие вообще планы?

– Сильно вперёд не загадываю. Есть охота, а денег нет. Вот и подумал, что можно пока грузчиком подзаработать. Вроде не хилый, должен справиться.

Завмагом покачала головой, по выражению её лица трудно было догадаться, какие чувства она испытывает.

– Грузчик нам действительно нужен. Раньше был постоянный, да спился, выгнали его. Начальство всё обещает найти нового, так уже третий месяц ищут. Вот и приходится самим выкручиваться, алкашей нанимать. За свои, между прочим, деньги, фига начальники нам доплачивают. В общем, один приход – рупь, две машины – два рубля. Но обычно одна приезжает, у нас тут товарооборот не настолько серьёзный, как в «Мясном пассаже», так что не перетрудишься, а на еду хватит. Вечером, кстати, машина с осенней капустой придёт, с овощебазы. Приходи часикам к шести, ещё заработаешь. Погоди... – Она нырнула в подсобное помещение, а через полминуты вышла оттуда, держа в руке завернутый в бумагу бутерброд с сыром и колбасой. – На-ка вот, перекуси пока.

Бутерброд исчез с поразительной скоростью. Я даже не понял, съел я его или он мне просто привиделся. Но небольшое чувство наполненности желудка склоняло меня всё же к первой версии.

Поблагодарив свою спасительницу, я резво направился в сторону ближайших продовольственных магазинов. От одного бутерброда есть захотелось ещё больше. В овощном я мог затариться разве что сырыми овощами да яблоками. Ну, может, консервированными овощами, причём вид этих банок внушал подозрение в съедобности их содержимого. Соки в трехлитровой таре смотрелись более аппетитно. Впрочем, соками я бы вряд ли насытился. Как и развесным грузинским чаем, больше похожим на труху, а также прессованным фруктовым чаем.

Это в будущем овощной и фруктовый ассортимент внушали уважение благодаря по большей части зарубежным поставкам. Ну а в этой эпохе на прилавках лежал исключительно товар собственного производства. Картошка, капуста, свёкла, лук-морковь – овощи, понятное дело, и должны быть своими. Правда, фруктовый набор невелик, является сезонным. В июле, подозреваю, вишня и черешня, в августе – арбузы и дыни с Нижнего Поволжья, в сентябре – яблоки... Груши, насколько я помню ещё с конца 80-х, почему-то продавались редко. Хотя в СССР куда больше людей жили в деревнях, а горожане в массовом порядке держали загородные дачи. И многие выращивали у себя как овощи, так и фрукты, а не только смородину и клубнику. В тему вспомнились бабушкины варенья. Эх, сейчас бы навернуть баночку смородинового или вишнёвого!..

Вроде бы периодически в магазинах появлялись бананы. А Новый год, по словам мамы, у многих детей ассоциировался с мандаринами. Но не суть важно, сейчас мне хотелось нормально поесть, пусть даже не горяченького, но чего-то, чем можно было как следует набить пустой желудок.

В итоге через полчаса я сидел на лавочке в одном из дворики, уплетая двухсотграммовый кусок «Докторской» с половинкой батона и запивая всё это кефиром из бутылки. Почти как у «Чай-Ф»: «Бутылка кефира, полбатона...» Только колбаса в этом случае

выступила приятным бонусом.

Уж не знаю, насколько при ругаемом так называемыми демократами «совке» продукты соответствовали всяким ГОСТам, но вкус «Докторской» показался мне божественным.

После похода по магазинам у меня осталось ещё 18 копеек. Решив пока их приберечь, я отправился вниз по Московской. Пора нормально осмотреть город сорокалетней давности, куда меня закинула судьба-злодейка. А может, и не злодейка. У кого ещё из моих современников есть возможность оказаться в прошлом? Опять же, мелькнула мысль: с какой целью кто-то меня сюда забросил? Или это всего лишь природная аномалия? И как скоро я смогу вернуться обратно? Чтобы взломать дверь, нужен лом или монтировка, ногой амбарный замок уже не собьёшь. Поскольку вышеозначенный инструмент под ногами не валялся, можно было попробовать его купить в хозяйственном магазине или где-нибудь на развале, хотя кто его знает, где здесь были эти самые развалы?..

Обуреваемый подобными мыслями, я спускался по Московской, минуя винно-водочный магазин «Белый аист», забегаловку «Каса маре», филармонию и место, где через два года начнётся возведение светомузыкального фонтана. Пока здесь стоят какие-то павильончики. Ради интереса зашёл в один из них и удивился, увидев там «Пензенское» шампанское по 1 рублю 17 копеек. А рядом... виски White Horse по 5 рублей. Ничего себе, такие бы цены да в наше время!

Слева остался ресторан «Волга», над которым колыхался на лёгком ветру портрет воина с автоматом ПППШ в руках и подписью: «30 лет Великой Победы!» Ну да, в этом же году 9 Мая юбилей, как раз Лещенко впервые исполнит «День Победы». Или нет, Лев Валерьяныч исполнит её осенью этого года, на Дне милиции. А до него пели вроде Леонид Сметанников и даже ВИА «Весёлые ребята».

В некоторых дворах, как я заметил, шла активная уборка территорий. Что бы это значило? И, только увидев лозунг «Все на коммунистический субботник!», допёр, что надвигается день рождения Ленина, вот всех и выгнали наводить чистоту. Хотя, пожалуй, многие и сами проявили инициативу. Это в моё время фиг кого просто так работать заставишь.

Не торопясь, я добрёл до площади Ленина и здания обкома партии и облисполкома. Если память не изменяет, то сейчас тут процессом рулит первый секретарь обкома партии Лев Ермин. Дальше — дом быта, кафе «Светлячок» и упомянутый Валентиной «Мясной пассаж», а также расположенный напротив магазин «Три поросёнка». Перестройка прикажет всем им долго жить. Хотя «Пассаж», кажется, прикрылся раньше.

Одновременно я наблюдал и за людьми. Мне они показались чуть более улыбчивыми и открытыми, чем в моё время. И при этом никуда особо не спешили. Глаз невольно зацепился за приметного мужичка в красной рубаше под телогрейкой. Штаны были заправлены в резиновые сапоги, а на руках его красовались самые настоящие рукавицы.

Ба, да это же знаменитый Сёма! Одно время я заинтересовался темой под условным названием «Городские сумасшедшие Пензы», и Сёма занимал в этом рейтинге первую строчку. Говорят, рехнулся он то ли от слишком большого объёма знаний, полученных при учёбе в политехе, то ли на скачках, будучи их заядлым поклонником. Хотя обе эти версии казались мне немного надуманными. Но мой пожилой сосед по лестничной клетке божился, что Сёма запросто мог продемонстрировать посреди улицы своё «хозяйство», а пуская газы, предпочитал стягивать штаны, распугивая добропорядочных прохожих. К счастью, в этот раз городской сумасшедший на моих глазах ничего подобного не предпринял.

Постоял я и у афиши драматического театра, который сгорит в 2008 году. Насколько я помнил, это были годы расцвета нашего драмтеатра, которым тогда руководил знаменитый режиссёр Семён Рейнгольд. Афиша предлагала зрителям несколько постановок. Сегодня, к примеру, играли «Ленинградский проспект» по пьесе Штока в постановке Рейнгольда, а завтра – «Флору Тоот» Броди в постановке венгерского режиссёра Антала Ренца.

От служебного входа театра в мою сторону двигалась небольшая группа, участники которой что-то оживлённо обсуждали. Больше других горячился толстенный коротышка, в котором я не без некоторого удивления узнал будущего народного артиста России Михаила Каплана.

– Так что вот так, – говорил Михаил Яковлевич, минуя меня, – невестка на третьем месяце, осенью ждём внука или внучку...

«Внука» – чуть было не вырвалось у меня, потому как в памяти всплыло, что именно в 1975 году на свет появился Антон Макарский, пошедший по стопам деда и ставший актёром.

Проводив взглядом почти дедушку со товарищи, я двинулся дальше и упёрся в будущий торговый центр «Гостиный двор», где в это время располагались кинотеатр «Искра» и ресторан «Сура». Второй этаж занимала гостиница также под названием «Сура», а под крышей здания глаза нашарили очередной лозунг: «Решения XXIV съезда КПСС – в жизнь!»

«Эх, помыться бы сейчас, бельишко поменять, полежать на широкой, застеленной белоснежными простынями постели!» – с тоской подумалось мне. Но в гостиницу с 18 копейками в кармане и без документов нечего было и соваться. Даже на покупку сменных трусов, как я подозревал, денег не хватит. А ночевать второй раз подряд на подоконнике мне не улыбалось.

Может, снять угол у какой-нибудь одинокой старушки? Опять же, придётся, наверное, какой-то задаток вносить. Даже если я сегодня ещё рубль-два заработаю, то этого вряд ли хватит на первый взнос.

С горя встал в небольшую очередь за мороженым. На пломбир в хрустящем вафельном стаканчике (которое с небольшой доплатой поливали ещё и вареньем) мелочи не хватало, взял фруктовое за 7 копеек в бумажном стаканчике. Вполне ничего, тоже вкусно, думал я, сидя в скверике на лавочке у театра и ковыряясь палочкой в фиолетового цвета мороженом. Вечный Белинский с поднятой рукой, на бронзовую голову которого, как и 40 лет спустя, гадят голуби, о чём свидетельствуют белые потёки.

На скамейке напротив весело щебетали две девушки, время от времени бросая в мою сторону озорные и в то же время любопытные взгляды. Не иначе, их взволновал мой прикид... Кстати, для себя я сделал не совсем приятный вывод, что женщины в этом времени сильно проигрывают моим современницам. Скорее, это чисто зрительное восприятие. Но в женщинах 1975-го привлекательность, если она и была, умело маскировалась однотипной одеждой и почти полным отсутствием макияжа. Либо безвкусным его нанесением. Дамы за тридцать щеголяли собранными на макушке в пучок волосами, некоторые индивидуумы пытались привлечь внимание противоположного пола крашеной растительностью на голове. Обычно просто сожжёнными перекисью водорода или, что случалось реже, рыжей хной. Валентина по сравнению с большинством пензячек выглядела едва ли не королевой. По моему, о L'Oreal и Wella здесь ещё не имели ни малейшего представления. Если эти марки вообще в то время были в ходу; историю производителей красок для волос я знал куда хуже, чем общую историю для старших классов.

Одним словом, местные прелестницы мне не приглянулись. Даже девчушки, сидевшие

напротив меня, выглядели как-то бледновато. Поэтому в ответ на их ужимки я криво ухмыльнулся и с мыслью: «А ведь если я тут задержусь, то рано или поздно захочется секса» – отправился восвояси.

Вечерняя разгрузка капусты принесла в мой бюджет дополнительный рубль. К тому времени солнце уже садилось за горизонт, и, умываясь после работы, я подумал о том, что мне предстоит снова провести ночь в каком-нибудь подъезде.

Однако помощь пришла неожиданно, в лице моей работодательницы.

– Ну, ты как, определился с ночлегом? – как бы невзначай поинтересовалась Валентина, прислонившись плечом к дверному косяку и скрестив руки под своей аппетитной грудью.

– Да что-то пока не срастается. Похоже, снова придётся по подъездам мыкаться.

– Ты это... хватит ерундой-то заниматься. Пойдёшь ко мне постояльцем? Женщина я одинокая, с мужем развелась, дочь в Москве на первом курсе историко-археологического учится, так что стесняться тебе некого. Кровать есть, харчи имеются, а свой заработок пока можешь себе оставить. А там уж, как определишься с будущим, тогда и отдашь за постой.

Ну и что мне было делать? Отказываться и ночевать на жёстком подоконнике, дёргаясь при каждом подозрительном звуке? Я не ханжа, не единожды хаживал в походы, по молодости и в палатках ночевать приходилось, но всё же в последнее время предпочитаю проводить ночи в постели. Да и чем, собственно, я рискую? Терять мне нечего, кроме, как говорится, цепей.

– Признаться, весьма неожиданное предложение. Даже не знаю, как вас благодарить...

– Да ты прекращай выкать-то. Чай мы с тобой ровесники, где-то так. Тебе сколько, помнишь?

Я изобразил мыслительную деятельность, наморщил лоб, подвигал бровями, после чего выдал:

– Не знаю, но почему-то в голове всплывает число 35.

– Ну, значит, так оно и есть. А я в таком случае, выходит, всего на год тебя старше. Так что давай заканчивать выкать.

– Ну как скажете... скажешь, – улыбнулся я, натягивая куртку. – В принципе, я готов следовать, куда прикажешь.

– Магазин через час закрывается, можешь пока погулять, а в семь чтобы как штык. Иначе без тебя уйду, ждать не буду.

Оставшееся до закрытия магазина время я посвятил изучению пензяков. Любопытно, а ведь я вполне мог встретить здесь кого-то из своих родителей. Бабушку – маму моей мамы – вряд ли, она живёт сейчас в селе Саловка. Мама рассказывала, что с моим отцом она познакомилась за год до моего рождения, то бишь в 1979-м. Значит, в этом году ей должно быть 17 лет, и она осенью поступит на первый курс педагогического училища. А отцу 18, то есть он весной отправится отдавать долг Родине и вернётся спустя два года...

И вновь вспомнился тот ноябрьский день 1996 года, когда мы с онемевшей от горя матерью поехали в морг на опознание. Сестрёнка, ей было тогда 15, осталась у соседей. Как, кстати, звали хоть того уродца, который кинул отца, да и всю нашу семью? Имя какое-то чудное... А, вспомнил, Герман, ишь ты, с претензией на аристократизм, что ли? А фамилия была, наоборот, простая. Иванов?.. Нет, не Иванов. И не Петров. Так-так-так... Точно, Сёмушкин! Вот бы найти эту гниду и раздавить, пока она не нагадила нам в будущем. Надо запомнить – Герман Сёмушкин. Может, и впрямь попадётся, если я задержусь в этом времени. С другой стороны, неужто смогу вот так взять и лишиться жизни человека, который

ещё даже не знает, что окажется таким подонком? Может, сейчас он вполне нормальный, может, это его 90-е так испортят?

С такими мыслями к 7 часам вечера я вернулся к магазину. Для рядовых покупателей он уже был закрыт, но дверь чёрного входа оказалась приоткрыта. Подойдя к ней, я услышал голоса. Разговаривали Валентина и Татьяна.

– Завидую тебе, Валька, видного мужичка отхватила.

– Ой, ладно, Тань, скажешь тоже... Пусть поживёт пока, а там посмотрим, на что он годится.

– Да уж, думаю, годится. И не старый, и даже симпатичный... Только история у него тёмная. Неужто веришь, что он памяти лишился? Может, уголовник какой, беглый?

– Ты где ж таких уголовников видела? Заметила, как одет? А лицо какое... интеллигентное, – чуть не по слогам выговорила Валентина. – Нет, Танюха, точно не сиделец.

Подумав, что пора пресечь обсуждение моей персоны, я деликатно кашлянул и толкнул дверь. Подруги тут же захлопнули рты, вперившись в меня одинаковыми остекленевшими глазами, в которых читался один и тот же вопрос: слышал или нет?

Изображая простачка, я кивнул Татьяне и с улыбкой обратился к Вале:

– Ну что, идём? Я, собственно, готов...

Идти было недалеко. Шли мы не торопясь, тем более что мои руки оттягивали две сетки с отборной картошкой. На ужин Валентина обещала пожарить её с мясом, и у меня уже заранее текли слюнки.

– Мы тут с подругой как раз о тебе говорили, – призналась моя попутчица, пиная носком сапожка попавшийся под ногу камешек. – Я её заверила, что человек ты вроде неплохой, на преступление не способен, разве что, может, от алиментов скрываешься, пытаешься замести следы, перебравшись в Пензу... Да не смотри ты на меня так, шучу я. А с документами вопрос надо решать, рано или поздно они тебе понадобятся. На работу в любом случае придётся устраиваться, тогда и паспорт спросят, и трудовую книжку. Да и военный билет может где-то понадобится.

Я обдумывал её слова. Действительно, очень многое пока, если не всё, упирается в документы. Как хорошо книжным попаданцам, которые умудряются оказываться в своих мальчишеских или девчачьих телах, но со знаниями зрелого человека. А тут – крутись, как хочешь...

– Чего задумался? Всё психушки боишься? Может, и правильно, там хорошего мало, у меня двоюродный брат как-то попал туда, когда от армии косил. Правда, не в Пензе дело было, но какая разница? Насмотрелся страхов – мало не показалось...

Некоторое время женщина шла молча, вдыхая полной грудью свежий вечерний воздух. А затем неожиданно произнесла:

– Жаль, свежего хлеба не купишь в это время, придётся доедать вчерашний... Кстати, мы уже пришли.

Валентина жила в коммуналке на втором этаже двухэтажного дома на улице Урицкого, рядом с Сурой. В то время, казалось, весь центральный район города состоял из домов в два этажа, а вот Арбеково, если не ошибаюсь, в середине 70-х уже всю застраивали многоэтажками. Что, впрочем, неудивительно для спального района.

Валя призналась, что начала было в последнее время прицениваться к одному частному дому, который хозяева надумали продавать, старенькому, но ещё вполне добротному. Но

вроде бы пообещали в следующем году дать ведомственную квартиру, так что с покупкой дома она решила обождать.

Соседями Валентины, по её словам, были одинокая старушка, практически не покидавшая свою комнатуху, больше похожую на узкий пенал, и татарская семья из четырёх человек.

— Бабуля одинокая, дети с внуками в Киргизию, кажется, умотали ещё лет пять назад, что-то строили и там и осели. Иногда я Анне Павловне хлебушка или молочка куплю, а то она сама стесняется, не попросит никогда, а ноги у неё больные. Сидит, целыми днями телевизор смотрит. Татары повеселее, мужик у них, Ринат, в «Мясном пассаже» рубщиком работает, а жена его, Айгуль, с детьми всё время дома. Носки и варежки в основном вяжет, а подруга её возле рынка продаёт. Сын их старший, Равилька, в третьем классе учится, а младшей, Динарке, четыре года, в садик ходит... Вроде обо всех рассказала... Хотя нет, кошка у нас ещё живёт, общая, кличка у неё — Крыса, мы её все подкармливаем. Равилька её притащил с улицы ещё котёнком, так и прижилась.

Крысу мы обнаружили первой из жителей коммунальной квартиры. Она сидела в проёме форточки и настороженно смотрела, как мы раздеваемся. Увидев кошку, я понял, за что она получила такое странное прозвище. Животное и впрямь сильно смахивало на грызуна, учитывая вытянутую вперёд морду и облезлый хвост, который, похоже, никогда не страдал излишками шерсти.

Мы миновали общую кухню с бурчащим радио, где диктор вещал о претворении в жизнь решений очередного съезда КПСС. Кажется, XXIV-го. Валентина провела меня в свою довольно просторную комнату, и я с любопытством осмотрел её обстановку.

Внимание привлекал ковёр над диваном, изображавший оленей на водопое. Кажется, у моей бабушки висел такой же. Стенной шкаф, стол в углу с настольной лампой, стул с мягкой обивкой рядом, на стене портреты девочки и девушки. Как я понял, это была дочь Вали, сфотографированная в разном возрасте.

Трюмо, комод со слониками мещанского пошиба, книжная полка с творениями Паустовского, Тургенева, Чехова, Верна, Гюго, труды по археологии... Может, Валентина это и читает, пыли вроде не видать. Хотя археологические опусы точно дочкины, раз увлеклась этой наукой. За стекло полки вставлена почётная грамота, выданная «Победителю социалистического соревнования» Колесниковой Валентине Александровне. Ага, вот как её полностью, значит, зовут. Запомним...

Две кровати — одна двуспальная, вторая явно рассчитана на одного. Цветной телевизор «Рубин-401», на верхнюю часть экрана свешивается ажурная салфетка, на ней — раскрашенная статуэтка пастушка, играющего на дудочке. В те годы цветной телевизор не всякий мог себе позволить, это я точно помнил по рассказам родителей. Да и вот эту радиолу на ножках тоже. «Урал-114» — прочитал я название на симбиозе радиоприёмника и проигрывателя. Из простого любопытства посмотрел заднюю стенку, неплотно прижатую к обоям, и разглядел синеватый оттиск: «Цена 146 р.». Ну да, за такой ящик вполне реальная цена по тем временам. Судя по шкале, радио ловит ДВ и УКВ.

Заодно скользнул взглядом по небольшой полочке с виниловыми пластинками в картонных конвертах. О, гляди-ка, «Белый альбом» Битлов. Такой же когда-то был у отца, помню, он одолжил винил другу, а тот так и заиграл. Я вытащил из конверта диск, проглядел список песен, освежая память. Сторона-2. Все песни указаны на русском языке. «Дорогая моя Марта», «Я так устал», «Чёрный дрозд»... А что на первой стороне? Хм, «Снова в

СССР». То бишь «Back in the USSR». Ну точно обо мне. Короткое путешествие по подвалу – и вот я волею судьбы снова в СССР!

Спрятав пластинку в конверт, я стал знакомиться с остальной коллекцией. «Оркестр Поля Мориа», «Самоцветы», «Поёт Рафаэль», почти не затёртый конверт с надписью «Lara Saint Paul», не менее свежий «La Fisarmonica Indiavolata Di Gigi Botto» с аккордеоном на обложке... Господи, даже Брежнев тут есть со своей речью с XXIV съезда КПСС! Жесть! Но в целом, если станет совсем скучно, можно что-то послушать. Хотя я бы предпочёл полтора десятка композиций, закачанных в свой немолодой телефон, тем более что гарнитура валялась в каком-то из отделений сумки.

Интерьер завершал бодро дребезжащий холодильник «Саратов».

– Ты располагайся, а я пойду ужином займусь.

В ожидании жареной картошки с мясом я от нечего делать взял с полки роман Гюго «Человек, который смеётся». Всё-таки бумажные издания держать в руках намного приятнее, чем электронные книги. Почему-то навеяло сравнение с занятием сексом с презервативом и без оного.

«Издательство „Художественная литература“, 1973 год», – прочитал я на титульном листе. И тут с удивлением понял, что спокойно читаю без очков. Вот те раз!.. Это что же получается, благодаря переносу в прошлое у меня и зрение наладилось? Пошерудил языком во рту, и что-то меня насторожило. Ну-ка, а проверю я кое-что ещё.

Подошёл к трюмо, раззявил рот, чтобы свет от люстры хоть как-то попадал внутрь. Так и есть! Вырванный зуб оказался на месте, причём с виду абсолютно здоровый. Мало того, оба моих прежде запломбированных зуба были целёхоньки. Хо-хо, ну спасибо, неведомые благодетели!

Хм, как здорово, значит, есть свои плюсы в произошедших событиях. Ещё бы документы мне сварганили. Как-то они об этом не подумали.

Удовлетворённый поверхностным медосмотром, я вернулся к книге. Роман был прочитан ещё в подростковом возрасте, в целом сюжет я помнил, хотя многие подробности, естественно, подзабылись. Поэтому с интересом начал читать заново и только на 25-й странице в первый раз отвлёкся, уловив запах жарящихся картошки и мяса. А к сотой странице был приглашён за стол.

Ужинали мы в комнате, тет-а-тет, но без свечей и вина. Валентина для себя принесла с кухни табуретку, игнорируя моё приглашение пересесть на более удобный стул. Я не мог удержаться и налегал на картошечку, пожаренную хоть и на пахучем нерафинированном масле, но от этого не менее вкусную. А мясо, по словам Валентины, ей по благу приносит из «Пассажа» Ринат. Правда, исключительно говядину, свинину он не рубит и не берёт в руки по религиозным соображениям.

– А родители у тебя где? Отдельно живут? – спросил я, чтобы не выглядеть хрюном, которого интересует только еда.

– Отдельно. Причём в Целинограде, в Казахстане. Я ведь оттуда родом. Федька туда приехал по разнарядке из Пензы в местную филармонию, её только что построили, и его пригласили помочь первой скрипкой в симфонический оркестр. Сказали, что временно, пока замена из Алма-Аты не подъедет, которая, оказывается, отправилась в кругосветные гастроли. Фёдору двадцать шесть было, считался в пензенской филармонии восходящей звездой симфонической музыки, думали, в Москву через год-два уедет, а я в десятом классе училась. Девять лет разницы. Случайно встретились, и всё – поняли, что жить друг без друга

не можем. Мои родители были против, но Федька сказал, что украдёт меня, всё равно я буду его. Красть не пришлось, я забеременела и на третьем месяце сама уехала с ним в Пензу, когда алма-атинский скрипач наконец вернулся из турне. Федины отец с матерью тоже были не в восторге, ему здесь другую партию готовили. А тут девочка без высшего и профессионального образования появляется, да ещё и беременная. Хорошо, у Феде вот эта, своя комната была. Правда, когда родилась Ленка, его родители вроде смягчились, нянчились с внучкой, но со мной отношения оставались довольно прохладными. А я через год после родов поступила в торгово-экономический, окончила его с красным дипломом, устроилась кассиром-продавцом в продовольственный. И так вот выросла до завмага.

Вот уже второй год Валентина стоит в очереди на двухкомнатную квартиру. Правда, после развода её хотели из очереди выкинуть, мол, живёте с дочкой вдвоём, ни к чему вам двухкомнатная. Но начальство Валентины настояло, чтобы из очереди ударника соцтруда и кандидата в члены КПСС не исключали. Но что-то очень уж медленно очередь эта двигается.

– Ладно, заболтались мы, а картошка уже вся съедена, – улыбнулась Валя. – Пойду чайник поставлю. А то, если хочешь, в холодильнике есть холодное молоко.

Молоко из холодильника я любил, причём особенно после жареной картошки. Но гарантировать, что желудок меня не подведёт, я не мог. Тем более что днём уже выпил кефирчика, после чего несколько минут провёл в общественном туалете, куда, к счастью, успел вовремя добежать. Так что я предпочёл индийский чай. Заваривала Валя его при мне, из жёлтой пачки со слоником. Несмотря на мой пессимизм, вкус у чая оказался недурной.

– Ой, спасибо, Валя, давно я так хорошо не ел... Ты повариха просто от Бога!

Сыто откинувшись на спинку стула, я едва не рыгнул и похлопал себя по раздувшемуся животу, чувствуя, как начинают слипаться глаза. Заметив это, Валентина постелила мне на односпальной кровати. Не стесняясь, я разделся до трусов, рухнул в постель и провалился в глубокий сон без сновидений.

На следующее утро я проснулся от лёгкого прикосновения к своему плечу. Потянулся, не открывая глаз, затем всё же приподнял веки и увидел нависавшую надо мной Валентину.

– Серёжа, просыпайся, завтрак стынет. Уже десятый час.

Действительно, что-то я разоспался. Спросил, не опоздали ли мы на работу.

– Так сегодня воскресенье, мы не хлебный магазин, чтобы ещё и по выходным торговать. Нет, ты можешь, конечно, проваляться в постели весь день...

– Да нет уж, хватит бока мять, пора и честь знать, – отозвался я, потягиваясь и вспоминая свою бывшую (или будущую), которая выходной день могла провести на диване, вставая только в туалет или поесть. При этом мне предлагалось заниматься кулинарией, хотя, честно говоря, я любил иногда повозиться на кухне.

На завтрак Валентина приготовила яичницу и чай с бутербродами. Ели мы под детскую передачу «Будильник» с ведущей Надеждой Румянцевой. Актрису я больше помнил по чёрно-белому фильму «Девчата», недавно его как раз показывали по каналу «Дом кино». Правда, пока завтракали, начали показывать «Служу Советскому Союзу».

Несмотря на плотный ужин, я съел всё без остатка, после чего почувствовал, что мне нужно отлучиться в одно место.

Коммунальная квартира диктовала свои условия: у двери уборной, выкрашенной бежевой, уже местами облупившейся краской, стояла очередь в лице одного человека, которым оказался, судя по всему, глава татарской ячейки общества. О том, что Валя привела жильца, он, похоже, уже наслышан, а потому просто протянул руку и представился:

– Ринат Акжигитов.

– Очень приятно, Сергей Губернский. А вы правда в «Пассаже» мясником работаете?

– Ага. Сегодня вот отгул взял, семь дней как бабушка умерла, едем в Усть-Узу на поминки. Вся родня там соберётся. Аби была уважаемой женщиной, орден имела, пятерых детей подняла в одиночку – мужа на войне убили.

Откровения Рината прервал скрип открывающейся двери. Из совмещённого санузла серой мышкой выскользнула Анна Павловна и, прихрамывая, проковыляла в свою комнатуху. На меня она не обратила ровным счётом никакого внимания, как и на Рината, который тут же принялся плескаться под струями душа. Из-за вновь закрытой двери слышно было, как ревёт газовая колонка. Я надеялся, что водные процедуры не затянутся, потому что переваренный за ночь обильный ужин требовал выхода на свободу. Страдания мои происходили на глазах у носившихся по общей кухне маленьких татарчат, оглашавших помещение оглушительными воплями.

Неприятность удалось предотвратить. Пока сидел, разглядывал убранство санузла. Облупившаяся эмаль на чугунной ванне, две полочки с туалетными принадлежностями, из которых одна была полностью заставлена всякой мелочью, включая мочалки. Не иначе, принадлежит семейству Равиля. Ещё в угол была втиснута небольшая стиральная машинка «Малютка». Причём от букв «Л» и «Ю» остались только сероватые силуэты и по паре дырочек от шурупов, поэтому получалось слово «Матка». Уж не знаю, специально эти буквы отколупали или они так «удачно» отвалились...

Облегчившись и умывшись с мыслью о покупке зубной щётки, я вернулся в комнату. Валя уже прибрала постель и копалась в шкафу.

– Решила тебе подобрать что-нибудь менее броское, – объяснила она. – А то, пока вчера домой шли, все прохожие голову поворачивали. Ну-ка, примерь вот эти брюки, они от моего бывшего остались.

Под развлекавшую советских граждан «Утреннюю почту» с ещё молодым ведущим Юрием Николаевым началась примерка. Тёмно-коричневые брюки из непонятной материи были немного великоваты, но с ремнём держались нормально. Следом настал черёд рубашек, все как на подбор с большим отложным воротничком. Причём одна из них была ярко-жёлтого цвета, и я заметил, что в такой только на дискотеке отплясывать.

– На чём? – не поняла Валентина. – На какой дискотеке?

Тут я понял, что в провинциальной Пензе в это время о дискотеках только продвинутая молодёжь имела представление. Попытался объяснить Вале, как мог, что это такое и что на Западе или даже в прибалтийских республиках, всегда шедших в авангарде новых веяний, дискотеки с приходом эры диско стали явлением довольно обыденным.

– Ну так у нас танцы в парке есть, и в Домах культуры тоже, и даже для тех, кому за тридцать, – пожалала плечами Валя. – У Федьки вообще гардероб был всё больше классический, даже фрак имелся. Помню, как стирать и гладить его – такая морока!.. Давай-ка вот эту примерь, серенькую. Куртки нет, а вот пальтишко осталось. Вроде моль его не побила. Ну а обуви от Федьки не осталось, не обессудь, так что пока в своей походишь.

В выданной Валентиной одежде и в своих похожих на берцы ботинках, выглядывающих из-под широких брючин, я смотрелся несколько аляповато. Зато не слишком привлекал внимание. А заменить обувь – и не отличишь от рядового пензяка времён застоя.

– А чего развелись, если не секрет? – робко спросил я у Вали, ожидая услышать, что все мужики козлы и готовы залезть под каждую юбку.

– Да какой уж тут секрет... В попы он подался. Был работник филармонии, а в тридцать три года осенило Федьку, что его призвание – служить Богу, а не пикировать на скрипке. Семью бросил, пошёл в семинарию проситься. Его родичи чуть с ума не сошли. Как же, вместо звезды сцены будет какой-нибудь завалящий батюшка. В общем, как бывший семинарию закончил, так выделили ему приход где-то под Астраханью. Теперь там и служит. Только уже не Федька он, а отец Варсонофий. Тьфу!

Однако. Вот уж не ожидал так не ожидал. Бывает же...

Как бы там ни было, Валентина взяла на себя все вопросы по моей адаптации в современном обществе, и через час мы отправились в ближайший обувной магазин. Обувать меня моя хозяйка планировала тоже на свои средства, хотя я пообещал обязательно отработать.

При виде весьма скудного ассортимента обуви я непроизвольно взгрустнул. Демисезонные ботинки Кузнецкой обувной фабрики, похоже, были представлены одной моделью, различавшейся лишь размерами. Радовало лишь то, что вся обувь оказалась пошита из натуральной кожи.

В общем, выбрали мы одну пару, после чего Вале вдруг взбрело в голову приобрести в универмаге мне ещё и костюм.

– Ты что, дочь миллионера? Я ж с тобой полжизни расплачиваться буду!

– Не на последние гуляем, – парировала моя спутница. – Давай пошли, хоть человеком будешь выглядеть.

Продавщица магазина приняла нас за мужа и жену. Мы не стали её разочаровывать. В хозяйственном прикупили бритвенный станок с пачкой лезвий «Спутник». Я с грустью

вспомнил оставшийся в 2015-м «Жилетт Фьюжн». Интересно, сколько раз я порежусь, пока буду бриться таким лезвием? Хотя ладно, дарёному коню, как говорится, в зубы не смотрят.

Одним словом, по итогам нашего шопинга Валентина потратила на меня 65 рублей. Мне было стыдно смотреть ей в глаза, но женщина выглядела вполне довольной. Мысленно я пообещал себе вернуть все потраченные на меня деньги в самое ближайшее время. С моими-то знаниями человека из будущего! Да я просто обязан использовать их в целях личного обогащения! Правда, как реально применить мои знания, я представлял слабо. Собрать компьютер на коленке я не мог, даже начинка простенького мобильного телефона для меня, гуманитария в кубе, была китайской грамотой. Удивить своей подкованностью в вопросах истории? М-да, такое точно не прокатит в целях личного обогащения.

По пути домой решили перекусить в «Домовой кухне». Взяли по три блинчика и по стакану светло-коричневого сладкого до приторности какао, напомнившего видом и вкусом почему-то столовую пионерлагеря, где мне посчастливилось как-то за лето отмотать аж три смены. Свою порцию я умял в один присест, и, глядя на меня, Валя пододвинула ко мне ещё и свою картонную тарелочку, на которой оставался один политый вареньем блин.

– Бери, бери, я и двумя наелась.

Ну не пропадать же добру! Пришлось доедать, что, впрочем, я делал далеко не через силу, а с большим удовольствием. Эх, время-то какое было, никаких тебе ГМО, всё натуральное!.. Хотя, конечно, разнообразие ассортимента и социализм – два абсолютно разнополярных понятия.

Домой мы вернулись в районе обеда. Моя домохозяйка тут же заставила меня натянуть на себя обновки, несмотря на мои уверения, что и костюм, и обувь сидят на мне отлично.

– Хочу увидеть всё в комплекте, – парировала Валя. – Не ломайся, что ты как маленький... Ну-ка... А что, вполне даже ничего. Так, повернись. Отлично! Хоть сейчас в ЗАГС.

– Если с тобой – то согласен.

– Иди уж, жених...

Она улыбнулась, но щёки стали пунцовыми. Так моя хозяйка мне кажется ещё красивее. Хочется обнять её, прижать к себе... Но нет, пока приходится соблюдать дистанцию, вести себя по-джентльменски.

Утром Валентина заставила меня надеть поношенную одежду, оставшуюся от прежнего супруга, – потёртые брюки и свитер грубой вязки. Заявила, что мою одежду только по праздникам носить, пусть висит в шкафу, молю она давно повывела, так что ничего с моим импортным прикидом не случится.

На работе мы оказываемся вовремя, даже ещё с запасом. В этот раз Валя прихватила из дома пяток бутербродов, с расчётом на мой прожорливый желудок. Чай они с Татьяной кипятили в подсобке, так что без обеда я сегодня точно не останусь. Благодарно намекаю, что я мог бы обойтись и без оплаты своего грузчицкого труда после того, как Валя меня приютила. Брать с неё деньги я считал настоящим свинством.

Завмаг это предложение обдумывала недолго.

– Ну смотри, как хочешь. Только, если деньги понадобятся, проси, не стесняйся.

Рабочий день начался с разгрузки картофеля и капусты. На этот раз мне был выделен халат, пусть и довольно потрёпанный, но благодаря ему я и моя одежда после разгрузки оставались чистой.

До прихода следующей машины было несколько часов, и я отпросился снова прогуляться по Пензе. Мол, глядя на городские пейзажи, может, что-то вспомню...

На этот раз отправился в сторону парка им. Белинского. В это время он выглядел куда более зелёным, чем спустя сорок лет. Аттракционов меньше, да и попроще они были: «Ромашка», качели-лодочки, цепочная карусель, «Необыкновенный дом»... А это что? Ого, настоящий вольер с медведем, как в зоопарке. И белки скачут. Хотя ведь слышал от кого-то, что раньше в парке был вольер, просто из головы вылетело, а сейчас вот и вспомнил по случаю. А там, подальше, читальня, на веранде – пара пенсионеров, один в куртке, другой в коротком пальто, играла в шахматы. Ещё дальше – танцплощадка и летний кинотеатр «Мир».

Зато тир практически не изменился. Что в расцвет эпохи застоя, что в 2015-м – та же зелёная невзрачная коробка в форме пенала. Ради интереса зашёл, нашарил в кармане мелочь и купил у очкастого старичка горсточку пулек, пострелял из пневматической винтовки. Умудрился даже несколько раз попасть. Затем отправился в обратный путь, по дороге купив пару жареных пирожков с повидлом.

Завернул в проулок, ведущий от Советской площади к кафе «Парус», постоял у стенда с газетами. Ну, наполнение вполне ожидаемое, особенно для местных изданий. Доярка Иванова перевыполнила план, фрезеровщик Петров внёс рацпредложение, целая полоса была отдана под решения очередного пленума облисполкома... Центральные издания порадовали чуть более пёстрым содержанием, особенно «Комсомолка».

В овощном из покупателей были только пара старушек, дедок и одна женщина средних лет. Может, вечером покупателей будет побольше. И то не факт. Глядя на не первой свежести яблоки, я вдруг подумал, что где-то на юге даже сейчас, в конце апреля, настоящее фруктовое изобилие. Вот только до прилавков таких овощных магазинов, как наш, яблоки-груши-дыни-мандарины и прочая радость бытия почему-то не доходят.

А спустя несколько секунд в голову мне пришла идея. Почему бы не организовать доставку в Пензу, а в частности в наш магазин, южных фруктов? Да и некоторых видов овощей, например кабачков и баклажанов, которые домохозяйки наверняка расхватают, как горячие пирожки!

Почему-то вспомнились кадры из фильма «Вокзал для двоих», где герой Михалкова наладил шпунный экспорт в средние широты экзотических дынь, естественно реализуя их с помощью героини Гурченко втридорога.

Понятно, что из-за пары дынь нет смысла даже вставать с дивана, как говорится. А если договориться с дальнотойщиками? С теми, которые регулярно мотаются на юг как раз за фруктами? Пусть они захватят побольше да и сбросят бонусный груз в нашем магазине. Естественно, и покупка фруктов, и транспортные услуги оплачиваются.

Либо, что ещё надежнее, самому отправиться с ними в путь и на месте закупить товар, не рискуя довериться посторонним лицам. А то ведь мало ли...

Этой идеей в обеденный перерыв я поделился с Валеё.

– У меня есть знакомый дальнотойщик, Рафик Саркисян, его в «Пензатрансе» часто арендует наш облпотребсоюз для командировок в Абхазию. Но это в сезон, там к концу мая в лучшем случае только клубника да черешня успевают. Обычно машину отправляют не раньше середины июня, а последняя командировка бывает в сентябре. Ещё в августе в Камышин гонят за арбузами. Но ведь и ездит Рафик не один, а с экспедитором. Представляешь, ещё и с экспедитором договариваться придётся. А об ОБХСС не думал? Из-за лишней сотни легко на нары можно отправиться. Стоит ли овчинка выделки?

М-дя... Как-то резво Валентина опустила меня с небес на землю. Ну значит, с фруктами не судьба. Ешьте, пензяки, лежалые яблочки и дальше, выстраиваясь в километровые очереди за выбрасываемыми по большим праздникам бананами и новогодними мандаринами.

Хотя что это я так заиклился на фруктах?.. Сам-то по садам с пацанами набегивал, недозрелое яблоко сжамочишь – и вроде хорошо. Да и по рассказам мамы, её поколение в то время тоже не голодало. Я и сам убедился, что выбор вроде в советских магазинах небольшой, но для нормального существования обычной советской семьи продуктов вполне хватало. И при этом от социалистического строя перепали разные предпочтения. Квартиры доставались пусть и после нескольких лет в очереди, но бесплатно. А ежели хочется побыстрее – добро пожаловать в кооператив. Вот это уже не всякий мог себе позволить. Да и квартплата была символической. Медицина и образование – бесплатные. Причём на достаточно приличном уровне. Это в будущем появятся фешенебельные клиники для богатеньких буратинов, а простой народ изволь толкаться в поликлиниках с обшарпанными стенами. Кто успел наворовать, пошустрее был при Ельцине – тот и в шоколаде. Правда, для многих такой передел закончился трагически, кто-то так и не дожид до своего «светлого будущего». Зато те, кто пережил бурные 90-е и сумел подняться, сейчас именно в шоколаде. Пусть и не все из них стали абрамовичами и прохоровыми, но явно не бедствуют, могут позволить молодым жёнам манто за полмиллиона и домик в Испании.

Так, поставим вопрос ребром... Как мне сколотить капитал в этом времени? Может, стать поп-звездой, перепевая ещё несочинённые хиты? Ещё и авторские получать буду... Что-то не особо тянет в эту ипостась. С моим хриловатым голосом если и петь, то лишь шансон, да и с нотами я, признаться, совсем не дружу. Так, могу на гитаре набренчать десятков-другой песен, в основном из репертуара любимых Чиж, «Чай-Фа» или «Наутилуса». Да и что-то не тянет меня в эти музыкальные дебри, тем более на сцену. Не настолько я публичный человек и мордой, можно сказать, не вышел. Внешность довольно среднестатистическая.

Тогда в чём моё предназначение? Может, я должен как-то попробовать изменить будущее? Уже моё появление здесь вносит свои коррективы, но пока я ничего такого

существенного не совершил, чтобы можно было о чём-то говорить. Просто пытаюсь адаптироваться к окружающей обстановке. А вот как адаптируюсь, тогда...

И тут я вспомнил о своей электронной книге. Да там же около сотни произведений! Причём десятка два книг были ещё точно не написаны, включая произведения того же Акунина. Так почему бы мне не стать, скажем, писателем?

Другой вопрос, когда мне заниматься наглым воровством чужой интеллектуальной собственности? Говоря проще, нужны время, бумага и ручка, а ещё лучше пишущая машинка и чтобы поблизости никого не наблюдалось. Не могу же я с наглым видом заглядывать во включённую электронную книгу, тут же перенося прочитанное на бумагу! Наличие обычного в 2015 году гаджета в 1975-м вызовет массу ненужных вопросов. Так что «ридер» пока придётся прятать. Надеюсь, Валя втихаря не обыскала мою сумку, в которую я из куртки переложил и российский паспорт. Надо бы документ заныкать где-нибудь в другом месте. Телефон тоже не мешало бы перепрятать, а вот электронную книжку придётся держать где-то поблизости. Либо искать место, где я смогу спокойно писать тексты, без лишних глаз. В этом плане здорово было бы устроиться, к примеру, ночным сторожем в какую-нибудь контору, где имеются в наличии пишмашинки. Надо этот вопрос как следует провентилировать.

Ближе к вечеру мой взгляд в очередной раз зацепился за стоявший в углу шанцевый инструмент, представленный штыковой лопатой и слегка изогнутым посередине ломом. А ведь уже пора бы попробовать проникнуть в злополучный подвал и попытаться вернуться в своё время! Вообще, может, и смысла нет рассуждать о том, как я буду выживать дальше при развитом социализме, если удастся провернуть задуманный план.

Днём подобная затея, понятно, дело рискованное ввиду наличия массы свидетелей взлома подвальной двери. Даже если во дворе никого не окажется, то, пока ковыряешься с замком, кто-нибудь вполне может выглянуть в окно. Вряд ли в каждой квартире имеется телефон, чтобы сразу вызвать милицию, но вдруг воспрепятствовать взлому попытается не давешняя старушка, а какой-нибудь здоровячок. Отмутузит так, что мало не покажется, а затем всё равно сдаст на руки участковому. Оно мне надо?

Пока Валя находилась в торговом зале рядом с Татьяной, я тихой сапой вынес ломик наружу и пристроил его в узкую щель в фундаменте соседнего дома, уже понемногу крошившегося от старости. Пропажу завмаг и продавщица не заметили, так что, к счастью, не пришлось придумывать отмазки, мол, меня тут не проходило. Кстати, до окончания рабочего дня я успел сбегать в хозяйственный магазин и купить там самый дешёвый фонарик на батарейках. Потому как ползать по тёмному подвалу с простенькой зажигалкой совсем не дело.

Пока Валя готовила ужин, да и во время его я сидел словно на иголках, что не укрылось от внимания хозяйки квартиры.

– Ты чего дёргаешься, Серёж? Случилось что?

– Да вот, понимаешь, вспомнилось мне кое-что из прошлой жизни. Одно местечко в нескольких кварталах отсюда... Надо бы сходить проверить, может, удастся таким образом восстановить хоть какие-то воспоминания. А то ведь мало ли, вдруг меня кто-то ищет, места себе не находит... Мать, отец, может, даже жена и дети.

В этот момент я вспомнил свою маму, оставшуюся в будущем. Вот уж кто действительно сходит с ума по единственному пропавшему сыну. А ведь у неё сердце слабое, не дай бог что-то случится... Поэтому сегодня нужно во что бы то ни стало провернуть задуманное. Интересно, если я вернусь обратно в будущее, то окажусь на том же месте в то же время или выяснится, что там, как и здесь, прошло уже три дня? Да что там гадать, нужно уже наконец дело делать.

Тем более что Валентина поддержала мою идею с попыткой возврата памяти и даже предложила сходить вместе со мной. Но я тут же, выразив всемерную благодарность за понимание, отклонил столь «заманчивое» предложение и сказал, что должен идти один.

Экипировался в то же, в чём заявился в этот мир, не забыв прихватить сумку-планшет. Незаметно прощупал содержимое. Ага, вроде всё на месте, и фонарик, предварительно спрятанный туда перед ужином, даже мой российский паспорт угадывается. Не то чтобы я подозревал Валентину в воровстве, упаси боже! Просто хотелось быть уверенным, что в 1975-м не останется ничего, что могло бы напомнить о госте из будущего.

На прощание мне даже захотелось чмокнуть Валю в щёку, кто знает, свидимся ли мы с ней ещё. Но вряд ли она поняла бы мой жест. Подозреваю, что эта симпатичная женщина не отказалась бы в итоге разделить со мной ложе, но в таком случае не обошлось бы без

прелюдий, поглаживаний, поцелуев в плечико, шейку, ушко... А тут я повёл бы себя как муж, уходящий на рыбалку с ночёвкой, – чмокнул в щёку и пока. Нет уж, до статуса супруга я пока не дорос. Да и, честно говоря, не очень к нему стремился. Мне хватило брачных уз в той жизни.

В девять вечера на улице уже было темно и малоллюдно. В этой эпохе не принято было просто так слоняться весенним вечером по улицам. Все сидят дома, смотрят программу «Время», узнают последние события из жизни страны и мира. И только мне не терпится найти на свою ж... приключения. Хотя, что уж кривить душой, я их уже нашёл, когда попёрся в подвал следом за Лёшкой Габузовым.

Ломик оказался на месте. Теперь нужно быть осторожным вдвойне. Попадёшься наряду милиции или ДНД – и объясняйся, куда это ты направляешься с железной дубиной в столь позднее время. К счастью, пилить до нужного мне двора было всего ничего, буквально один квартал, после чего перейти Московскую, по которой прямо передо мной проскрипела ехавшая в гору «копейка».

Вот и долгожданная дверь в подвал. Всё тот же амбарный замок. Опасливо оглядываюсь – вроде никого. И в окна никто не пялится. В одной из квартир на первом этаже окошко тлело голубоватым мерцающим светом, там явно глядели телевизор. Светились ещё несколько окон, но ничьи тени в них не мелькали.

Ну, с Богом! Расплющенным концом лома я аккуратно поддел скобу, на которой висел замок. Нажал сильнее... Ага, вроде поддаётся. Стальное тело продвинулось поглубже, гвозди постепенно выбирались из своих деревянных норок. Хм, ну и сравнения лезут в голову, поэт блин...

И вот наконец скоба вместе с замком с глухим стуком падают на землю. Весь двор заасфальтирован, а именно в этом месте зияет земляная проплешина. И очень хорошо, не хватало ещё мне лишнего шума.

С лёгким скрипом открываю дверь, шагаю во влажную темноту с ломиком наперевес и включаю фонарик. Желтоватый круг света с тёмной точкой посередине высветил мне дальнейший путь. Вот и тот самый поворот, за которым начинается старинное ответвление. Снова заколоченный проход на месте дыры в стене, тут я ломиком работаю более споро и так же продуктивно. Пытаюсь унять бешено колотящееся сердце, двигаюсь дальше. Всё, пришли, дальше тот же завал, где я потерял сознание и очнулся уже в этом мире. Покрутился на месте, осматриваясь, нагнулся, потрогал ладонью влажный кирпич древней кладки. И что дальше-то? Нужно каким-то образом терять сознание или я уже незаметно переместился в будущее?

Биться головой о стену мне не улыбалось, поэтому я понадеялся на второй вариант. Молясь про себя, чтобы всё удалось, двинулся обратно. Аккуратно приоткрыл обеззамоченную дверь, выглянул наружу... Твою мать! Хрена лысого тебе, Серёга, а не будущее! Всё тот же двор, те же светящиеся окна и замок на земле свидетельствовали о полном провале моей миссии. Попытка возврата потерпела крах.

Не в силах признать поражение, я вновь ломанулся в глубину подвала. Добравшись до завала, выбрал на стене место почище и треснулся о кирпич лбом. Тут я понял, что значит выражение «искры из глаз». И даже, как мне показалось, на какое-то мгновение я потерял сознание, но при этом сумел устоять на ногах.

Крови на лбу не было, но уже вздувалась ощутимая шишка. Покачиваясь от звона в голове, я вновь двинулся к выходу. В мозгу ещё билась тоненькой ниточкой надежда на

благополучный исход. Но и эта ниточка оборвалась, когда я выбрался наружу. Ни-че-го не изменилось.

Понятно, факир был пьян, фокус не удался. Ну, тогда хотя бы спрячу в подвале паспорт и телефон, а то зря, что ли, устроил себе приключение на ночь глядя. Завернув документ с аппаратом в носовой платок, спрятал их в самой глубине подвала, заложив тайник кирпичом. А «ридер» мне ещё пригодится, хочется в это верить.

Снова выбрался наружу и с тяжёлым сердцем, подобрав на автомате лом, поплёлся к дому, где днём ныкал шанцевый инструмент. Там же его и припрячу до завтра, потом незаметно верну в овощной магазин.

На душе было мутно. Почему же не получилось? Может, звёзды не так встали, на солнце должна буря случиться? Или вообще нужен какой-нибудь парад планет, чтобы вернуться в будущее? Гадать смысла нет, тем более что в пространственно-временных континуумах я разбирался слабо, чай не физику преподавал, а историю. С таким поганым настроением я и припёрся к Валентине домой.

Она не спала. А увидев на моем лбу приличных размеров шишак, округлила глаза:

– Сергей, тебя где же носило-то? Тебя что, избили?

– Да нет, всё нормально в этом плане, – успокоил я свою домохозяйку. – В потёмках полез, куда не надо, вот и треснулся лобешником обо что-то. Но даже это не помогло вернуть память.

Последние слова я произнёс с улыбкой, пытаюсь обратить всё в весёлый казус. Но Валя всерьёз занялась моей шишкой, устроив вечер примочек из бадяги. Благодаря её стараниям к утру волдырь заметно спал, а после съеденной на завтрак яичницы на сале под телевизор, где славили сегодняшнего именинника Владимира Ильича, и настроение как-то улучшилось. О вечернем обломе я старался не вспоминать, решив теперь полностью сосредоточиться на своей адаптации в СССР второй половины XX века.

Ну а что?! В конце концов, мне выпал уникальный шанс оказаться в недалёком прошлом. Неужели с моими знаниями из будущего я не смогу чего-то здесь добиться? Да хотя бы стать известным писателем. Имея под рукой сочинения тех же Пикуля с Семёновым, можно и на государственную премию замахнуться. А Валентин Саввич и Юлиан Семёнович, надеюсь, вместо своих ещё ненаписанных произведений родят что-то не менее гениальное. Природа же не терпит пустоты, в конце концов. Таким образом, историю пополнит больше хороших книг, чем оно могло бы случиться без моего посильного участия в этом процессе.

Своей идеей относительно того, что планирую написать книгу, я поделился с Валентиной.

– Понимаешь, в голове уже готовый сюжет приключенческого романа, – расхваливал я, сам пока не зная, чьё произведение. – Только садись и переноси на бумагу. Жаль, нет пишущей машинки, а то я через неделю уже отправил бы рукопись в издательство. А там и государственная премия, всеобщие почёт и уважение. Как тебе такая перспектива?

– Ну ты и балабол! – Валентина заливисто рассмеялась. Вот уж не думал, что она может так заразительно смеяться.

– Нет, я серьёзно. Книга должна получиться неплохая. Может, я в прошлой жизни был писателем? Не слыхала писателя с похожей фамилией?

– Губернский? Нет, не слыхала. Я помню только Джанни Родари, которого мне в детстве мама читала, Достоевского и Тургенева из старших классов. Ещё пыталась «Войну и мир»

Толстого прочитать, но даже первый том не осилила. Книжки вон стоят, ещё от мужа, дочка читала, пока в Москву не уехала. А я никак не соберусь, скучным мне кажется это занятие.

– А я осилил «Войну и мир»... Кажется. Ну так как, может выгореть вариант с машинкой?

– погоди, нужно подумать... Есть у меня знакомая делопроизводитель, подруга детства, может, получится с ней как-то договориться.

Этой знакомой оказалась невзрачная особа с огромными очками на носу и короткой, мальчишеской стрижкой. Она занимала небольшой кабинет в облпотребсоюзе, была патологической, как выразилась Валя, холостячкой и частенько засиживалась допоздна. Кабинет был рассчитан на двоих, но второй делопроизводитель уже полгода пребывала в декретном отпуске. Что меня порадовало – её место находилось в некоем закутке, за большим шкафом, откуда можно было выбраться только бочком. То есть я смогу печатать текст, спокойно заглядывая в электронную книгу и не отвлекаясь на внимание посторонних. Вот это удача!

Договориться с Зинаидой, как звали знакомую, Валентине удалось быстро. Сначала позвонила, а потом привела меня сюда буквально за руку. На проходной Зина представила меня вахтеру, усатому Иван Санычу, заявив, что иногда я буду к ней наведываться вечером по работе. Тот понативно усмехнулся в свои пожелтевшие от кувеа усы и махнул рукой. Мол, парус вам в дышло и ни в чём себе не отказывайте.

Когда мне было показано моё рабочее место, Зинаида поинтересовалась, доводилось ли гостю когда-нибудь иметь дело с пишущей машинкой. Не рассказывать же, что я привык работать на компьютерной клавиатуре, а эту «Ятрань» вижу впервые в жизни. Тем более нужно придерживаться версии потерявшего память. Поэтому ответил, что в этом деле я профан, но всячески уповаю на помощь делопроизводителя.

Зинаида тут же с энтузиазмом принялась объяснять мне, как обращаться с машинкой: включать её, вставлять лист, как печатать под копирку и менять красящую ленту, закрашивать ошибки корректором... Я кивал, стараясь всё запомнить, чтобы потом лишний раз не отрывать человека от дела. Ещё порадовало, что раскладка клавиатуры практически совпадала с компьютерной – QWERTY/ЙЦУКЕНГ.

– Зин, ты во сколько сегодня уходишь? В девять? Ну, значит, Сергей дома появится где-то в половине десятого. Я тогда ужин приготовлю к этому времени. Дорогу до дома найдёшь? Ну ладно, писатель, я пошла.

Проводив Валентину, я занял место за клавиатурой уже подключённой к сети «Ятрани», вставил в каретку три листа формата А4, проложенных двумя чёрными копировальными листочками, установил межстрочный интервал и задумался. С чего начать? Пожалуй, нужно выбрать между Пикулем и Семёновым. С Акуниным и его монархическими замашками никакие публикации в это время не светят, разве что буду звездой подпольного самиздата. Кстати, тоже вариант. Стану величиной уже при Горбачёве. Вон Аксёнов издал в СССР свой роман «Остров Крым» уже в перестройку. Да и Войнович с Чонкиным прославился сначала за границей. Правда, в итоге его всё же выслали из Советского Союза... Интересно, а меня с Акуниным тоже вышлют или посадят? По-любому придётся издаваться под псевдонимом, дольше искать будут. В общем, лучше пока заглянуть в электронную книгу и посмотреть, когда были изданы романы Пикуля и Семёнова. Ведь словно чувствовал, скачал с сайта, где к каждому роману написано небольшое предисловие критика и указан год издания книги. Так что в этом плане проколоться не должен.

Убедившись, что Зинаида меня не видит, достал из сумки-планшета «ридер» и включил его. Включался он, к счастью, без всяких звуковых сопровождений. Посмотрел заряд – два кубика из четырёх. Надо подзарядиться. Итак, что мы имеем... Из ближайшего у Пикуля намечена публикация романа «Битва железных канцлеров». Тут нужно держать ухо востро. Кто знает, возможно, в черновике роман уже написан, а вдруг и вовсе уже лежит у редактора, ждёт публикации. Издательств в СССР вроде было не так много, а писателей хватало и тогда. Хотя, конечно, не сравнить с нашим временем, только на самиздатовских сайтах столько графоманов встречается, что просто диву даёшься!

Может, сразу взяться за «Крейсера»? Год издания 1985-й, да ещё и премию получил. Хочется верить, что Пикуль пока не задумался о написании книги, посвящённой Русско-японской войне.

А что там у Семёнова? Та-а-ак, листаем... Цикл о Штирлице-Исаеве пропускаем сразу, нужно смотреть что-то, выходящее вне серий. Ну, например, «ТАСС уполномочен заявить». Выйдет из печати в 1979-м, затем экранизируется. Судя по фильму, вполне увлекательная история о похождениях полковника госбезопасности Славина и деятельности советской контрразведки по поимке агента ЦРУ. Правда, прочитать сей шедевр у меня как-то не было ещё возможности, хотя и закачал уже как полгода. Ну, пока буду печатать, как раз и читаю.

Хотя это тоже своего рода серия, я точно помнил, что мне попадалась на глаза ещё одна книга о Славине. Ну да, вот она, качивал же вместе, одним архивом, называется «Межконтинентальный узел», издана в 1986-м. Надеюсь, Семёнов ещё не приступил к сбору информации для своего произведения, а то ведь в противном случае, если я издам, и книга попадёт писателю в руки, может случиться скандал. Так что на всякий случай нужно будет в рукописи кое-что изменить. Хотя бы имена.

Итак, пора уже решаться, с чего начинать. Не положиться ли на волю случая? Была не была! Достал из кармана 20-копеечную монету и загадал: если орел – то Семёнов, если решка – Пикуль. Подбросил, поймал – решка. Ну, значит, такова моя планида – писать о судьбах русских офицеров в годы горчайших поражений Флота Российского от сынов Ямато. «Крейсера» вы мои, «Крейсера»... Честно говоря, конечно, не мои, а Валентина Саввича, но я был уверен, что вместо «Крейсеров» Пикуль родит нечто не менее эпохальное.

Мысленно помолившись, открыл произведение, положил «ридер» на стол справа от пишущей машинки и принялся долбить по клавишам.

Печатать получалось не так шустро, как на компьютерной клавиатуре, да к тому же первое время я невольно подпрыгивал на месте, когда каретка, звякнув, доезжала до крайней правой отметки и с пугающим грохотом возвращалась в исходное положение. Но где-то минут через тридцать вроде привык к шумовым спецэффектам, от которых всё равно никуда не деться. Так втянулся в процесс, что едва не прозевал момент, когда Зинаида появилась в поле моего зрения. Едва успел накрыть электронную книгу лежавшей рядом папкой для бумаг.

– Ну, как успехи?

– Вроде приноровился, благодаря вашей науке сладил с этим монстром, – выдал я женщине дешёвый комплимент.

– Ну спасибо, – улыбнулась она краешком губ. – Значит, вы просто хороший ученик. А я уже домой собираюсь.

– Понял! Буквально минуту. Главку закончу как раз и выключаю агрегат.

Зинаида не стала стоять над душой, и правильно, а то я просто не знал бы, как незаметно убрать «ридер» в сумку. А так спокойно дописал главу, заканчивающуюся словами «Стемман ожидал войны с Японией, он даже хотел её, чтобы оснастить свои плечи эполетами контр-адмирала», после чего упаковался, аккуратно убрав отпечатанные листы в стол. Зина заверила, что рукопись не обязательно каждый раз забирать домой, здесь с ней ничего не случится.

Первый свой день за машинкой я закончил с, пожалуй, приемлемым результатом. Прикинул, что такими темпами, может, уже к субботе – за оставшиеся два дня – успею перепечатать весь роман. Я ведь мог бы приходить сюда и пораньше, после дневной разгрузки, но приходилось выжидать, когда контору покинет большинство сотрудников, чтобы лишний раз не отсвечивать своими визитами к одинокому делопроизводителю.

На пороге коммуналки меня встретила Валентина. В руках она держала полиэтиленовый пакет с сине-красным принтом «АВВА», похоже, только что постиранный, что вызвало у меня непроизвольное удивление.

– Зачем ты его стираешь? Проще новый купить!

– Ну, у тебя точно что-то в голове отшибло, – хмыкнула Валя. – Только дураки такими пакетами разбрасываются. Да ты знаешь, сколько они стоят?!

– Ну, в пределах рубля? – рискнул предположить я, уверенный, что даже с рублём я перегнул.

Но услышанный ответ меня реально огорошил.

– Ага, шас! Пять рублей, не хочешь?! Когда с Ленкой прошлым летом в Москву ездили поступать в вуз, я и купила у цыган в переходе. Вроде турецкий. – И она так любовно посмотрела на пакет, словно держала в руках новорождённого младенца.

Обалдеть! И вот эта хрень стоит ПЯТЬ рублей?! Да ещё и с ошибкой в слове «АВВА»: в оригинале первая В пишется задом наперед. Блин, если бы я заранее знал, что провалюсь в прошлое, то захватил бы с собой упаковку нарядных пакетов... Да тут и простые майки шли бы на ура! Так, так, так... нужно как следует обмозговать идею с производством пакетов. Таким макаром в итоге придётся всё же становиться цеховиком, слишком уж заманчивая идея. Хотя, помнится, мы с Валею обдумывали идею поставки фруктов с южных плантаций

нашей необъятной родины. Но это пока далёкая и мутная перспектива. Вот только знаний о том, как делают пакеты, у меня ноль. А там ведь и оборудование нужно соответствующее, рабочие площади... Интересно, во сколько влетит по финансам небольшая линия по производству пластиковых пакетов?..

Роман к субботе я действительно перепечатал. Причём по ходу дела в текст добавлял кое-что от себя, чтобы суховатое повествование Пикуля сделать чуть более ярким в литературном плане. Все три экземпляра я забрал домой, предварительно договорившись с Зинаидой, что на следующей неделе начну печатать в её кабинете новое произведение. Даже настоял на том, что бумагу и ленту для машинки принесу свои, а то как бы начальство делопроизводителя не заинтересовалось, куда в таких количествах уходят расходные материалы. Зина упорствовала, но в итоге сдалась, подсказав, где можно приобрести всю эту канцелярщину.

Первым моим читателем стала Валентина. Начала в субботу вечером, а к вечеру воскресенья, потеряв уставшие от чтения глаза, положила рукопись на стол. За сутки она отрывалась от чтения только дважды – чтобы приготовить поесть и устроить постирушку в той самой «Малютке» без двух букв.

– Даже не ожидала, что у тебя так здорово получится. Такая драматичная история, аж до слёз... А когда книгу будешь издавать?

– Ну, это ведь надо в Москву ехать, нести в издательство. А лучше в два. Третий экземпляр на всякий случай нужно оставить себе, вдруг потеряют. – Жаль, что нет флешки и компьютера, до них еще лет пятнадцать минимум. – И не с одним романом ехать, а хотя бы с двумя. Мы с Зиной договорились, что с понедельника я к ней продолжу ходить, у меня созрел замысел ещё одной книги.

Я имел в виду «ТАСС уполномочен заявить» Семёнова. Причём, как и в первом случае, планировал оставить авторский заголовок. Если «Крейсера» должны понравиться морскому ведомству, то следующая книга – жест доброй воли в адрес КГБ и его руководства. Неплохо было бы занять связи в этих организациях, стать вхожим в высокие кабинеты. В будущем это в любом случае пригодится.

Может, книгу Семёнова вообще отдать в какой-нибудь журнал типа «Советская милиция»? Хм, ну, это, почитай, многотиражка. Не стоит так низко падать.

Я, кстати, не так чтобы горел желанием перевернуть ход истории, сохранив СССР, как некоторые книжные попаданцы, но то, что творилось при Горбачёве, а особенно при Ельцине, внушало отвращение. Воровство и коррупция на всех уровнях, бандитизм, вымогательства, расслоение на олигархов и нищих... Да и печальный пример моего отца стоял перед глазами.

Может, мне и удастся что-то изменить в истории своей страны. Ведь не может так быть, что, зная наперёд, в какую трясину угодит моя родина, я ничего не смогу этому противопоставить.

«Серёжа, а оно тебе надо? – прорезался в глубине сознания гаденький голосок. – Воруй потихоньку чужие книги, делай имя в эту эпоху, а после развала страны начнёшь штамповать акунинские произведения. По твоим книжкам о Фандорине так же начнут снимать фильмы. Вот тебе и слава, и деньги».

Заглушить этот голос стоило немалых усилий. К счастью, я нашёл, на что отвлечься в этот хмурый вечер 27 апреля 1975 года. Не знаю, как так получилось, но ту ночь мы провели с Валентиной в одной постели. Похоже, не только я здорово истосковался по любовным

ласкам...

На следующее утро с лица моей спасительницы не сходила лёгкая улыбка. Да и я тоже, как дурак, щерился во все тридцать два... Так, счастливые, и припёрлись на работу. Татьяна сразу сообразила, отчего её начальница и подруга словно крылья за спиной отрастила, и я не раз ловил на себе её хитрые взгляды.

А вечером я отправился к Зинаиде, не забыв предварительно прикупить бумагу и красящую ленту. Гулять так гулять, подумал я, и взял заодно упаковку копировальной бумаги.

Но перепечатывал я не «ТАСС уполномочен заявить», а «Печальный детектив» Астафьева. Да-да, осилив за один день творение Семёнова и ещё раз заглянув в обстоятельно составленную аннотацию, я понял, что уже на стадии публикации у соответствующих органов ко мне могут появиться вопросы. А откуда у вас, товарищ, такие сведения? Да, имена и фамилии другие, названия некоторых стран изменены, но тут прямо вылезают факты одного дела, которое мы ведём. Вот под Трианомом явно подразумевается Огородник, который после возвращения из Боготы, есть мнение, был завербован ЦРУ. А давайте-ка проедем в одно место, мы там с вами более конкретно поговорим...

Оно мне надо? Нет. Потому и решил я поискать в своём «ридере» другое произведение. В итоге дошёл до книг, закачанных ещё продавцом. Среди классиков обнаружился и Виктор Астафьев со своим «Печальным детективом». В небольшом анонсе было указано, что книга вышла в свет в 1987 году. Полистал и понял, что история отставного милиционера, ищущего смысл жизни, написана довольно откровенно, и вполне можно попытаться пристроить повесть в столичное издательство. Согласен, стиль изложения прилично отличается от манеры письма Пикуля, но может же писатель оказаться таким разносторонним?

«Печальный детектив», который я «писал» всё-таки с поправками на минус 10 лет, удалось закончить за три дня, как раз к четвергу, к 1 мая. Вплоть до воскресенья госучреждения не работали по причине Первомайских праздников. А вот продуктовые магазины трудились в обычном режиме. Я от нечего делать сходил поглядеть на праздничную демонстрацию, как трудящиеся идут колоннами с шариками и транспарантами, послушал, что говорят с трибуны первый секретарь обкома партии Лев Ермин, второй секретарь Георг Мясников, председатель горисполкома Александр Щербаков... Георга Васильевича при его жизни мне лицезреть не посчастливилось, а ведь это уже сейчас живая легенда! Вот бы как-нибудь поближе с ним познакомиться, может оказаться вполне полезным. Мясников ещё относительно молод, ему 49 лет, как главный идеолог области он курирует партийно-воспитательную работу. Именно второй секретарь обкома стал инициатором проведения в «Тарханах» литературного Лермонтовского праздника, впоследствии ежегодно собиравшего тысячи гостей, известных артистов и деятелей культуры. Под его же непосредственным руководством в 1980 году появится памятник Первопоселенцу, а в 1983-м – знаменитый на всю страну «Музей одной картины», а также ещё добрый десяток музеев всесоюзного значения. При поддержке Мясникова картинная галерея переедет из художественного училища в бывшее здание Поземельного банка. Уже возведены под патронажем второго секретаря Дворец водного спорта и конечно же ледовый стадион «Темп».

Помню, меня ещё маленького отец водил на хоккей, правда, тогда стадион был уже перекрыт железной аркообразной крышей и больше напоминал ледяной ангар. Да и вмещать после реконструкции стал раза в два меньше, а раньше, когда шайбу гоняли под открытым небом, на стоячих местах собиралось по 10, а то и по 15 тысяч болельщиков. Играли и в

дождь, и в снег, а болельщики по холодку согревались кто продававшимися тут же в ларьках горячими чаем с пирожками, а кто и принесёнными с собой спиртными напитками. В толпе, где все стояли впритык друг к другу, распивать 40-градусную считалось безопасным и привычным делом.

По словам отца, «Дизелист» тогда играл не в пример лучше, в команде блистали настоящие звёзды. Фамилии Князнева, Серняева, Красненькова не сходили с уст пензенских поклонников хоккея.

А ведь получается, и я могу сходить, к примеру, на матчи первой лиги, в которой сейчас играет «Дизелист». Другое дело, что сезон уже закончился, о чём я узнал из местной газеты, опубликовавшей результаты матчей последнего тура и итоговую таблицу. Оказалось, что «Дизелист» в этом сезоне финишировал на 7-м месте, следом за свердловским СКА, а путёвку в высший дивизион оформила новосибирская «Сибирь». Но кто мне мешает осенью попасть на открытие нового сезона? Что-то мне подсказывало, что к тому времени я вряд ли вернусь домой.

С другой стороны, Мясников также отвечал за идеологическую работу. Хреново, получается, отвечал, коль молодое поколение так легко предало идеалы коммунизма, резво попрятав партийные и комсомольские билеты или вообще устраивая им публичные аутодафе. А затем вчерашние коммунисты и комсомольцы переквалифицировались в бизнесменов или вовсе в бандитов, причём получилось это столь органично, будто они всю жизнь ждали этого момента, до того тщательно маскируя свою истинную сущность...

– Ур-ра-а-а!!!

Я непроизвольно вздрогнул, возвращаясь в реальность. Колонны трудящихся бурно приветствовали собравшихся на трибуне. В принципе, то же самое, что и в моё время, только лозунги другие. Улыбнулся тому, что, покинув площадь Ленина и забросив в грузовики транспаранты, трудящиеся разбредались группками, утекали во дворы и там соображали «на троих». Причём в компании употребляющих мной были замечены и представительницы прекрасного пола. Но до скотского состояния никто не напивался, взбодрившись, люди шли гулять дальше.

Рядом с площадью во дворе дома, на первом этаже которого находился магазин «Жемчуг», мне попала одна из таких компаний работяг. Один из этой группы, завидев меня, махнул рукой, мол, присоединяйся. Я не стал отказываться, чай, в те годы палёную водку не продавали, не отравлюсь, а соточку можно и тяпнуть. Закусывали, отщипывая по кусочку от буханки чёрного хлеба, разнообразив нехитрый рацион парой брикетиков плавленого сыра. По ходу дела разговорились.

Троица, принявшая меня в свои ряды, трудилась на заводе «Эра», собирая авиатренажёры. Я представился писателем, чем сразу вызвал уважение в глазах мужиков.

– А чего пищишь? – поинтересовался один из них, немолодой уже пензяк с проседью в волосах и выплядывающей из-под лёгкого пальто орденской планкой. – Не про войну, случайно?

– Один роман как раз про войну, только не Великую Отечественную, а Русско-японскую. А вторая книга... Про офицера милиции на пенсии. Там больше о моральных терзаниях, поисках самого себя и ответов на извечные вопросы.

– Гляди-ка, прям как наш Михалыч, – хихикнул заводчанин помоложе. – Это главный инженер, он у нас тоже на собраниях всё про трудовую совесть, честь коллектива рассказывает...

– Ну, это не совсем то, Лёха, – охладил его орденосец. – Тут... понимаешь, тут другое, как бы тебе объяснить? Вот, по-твоему, в чём смысл жизни?

– Ха, ну эт понятно, работать и детей рожать.

– А ты как думаешь? – обратился старший к третьему, всё больше молчавшему собутыльнику.

– А чё я думаю, Ляксеич... По мне, так человек живёт один раз, и не нужно себе ни в чём отказывать. Хрен его знает, есть тот свет или нет, поэтому живи на полную: ешь, пей, имей женщин.

– Дурак ты, Семён, – махнул рукой Лексеич. – Кому как, а по мне нужно жить так, чтобы свой последний вздох встретить с лёгким сердцем. Был у нас на фронте в полку Петька Ключев, балагур знатный, на каждом привале на гармошке наяривал. В деревне под Саратовом семья у него осталась. Ему и было-то лет тридцать, а троих детей успел нарожать. Так вот как-то прислали нам в пополнение новобранцев, только-только от мамкиной сиськи, считай, оторвали. А на следующий день приказ штурмовать высотку, которую гитлеровцы удерживали. Капитан Нефёдов поднимает нашу роту в атаку, мы рты раззявили, орём «Ура!» со страху и бежим вперёд. По нам гансы лупят из пулемётов, краем глаза замечаю – то слева один упадёт, то справа... И тут вижу, что из немецкого окопа ручная граната летит, на длинной рукоятке, где запал по восемь секунд горит. Граната шлёпается аккуратно под ноги новобранцу. Тот, понятное дело, растерялся, а если бы был поопытнее, успел бы схватить её и кинуть обратно. Я тоже не успевал метнуться, и вдруг откуда ни возьмись – Петька. Падает на гранату, закрывая её собой, тут она и бабахает. Тело гармониста нашего подскочило, снизу дым повалил. Я на карачках к нему, переворачиваю, а там вместо живота – мешанина из кишков. Петька ещё дышит, но видно, что отходит, недолго ему осталось. И перевязывать смысла нет. Глядит на меня, а сам улыбается, шепчет: «Ваня, помираю я, а радуюсь, что жизнь пацану спас. У него всё впереди, а я что... Я пожил, дай теперь и другим жизнью насладиться». Сказал – и отошёл. А меня такая злость взяла на немцев. Я ору новобранцу, мол, держись за мной, и в окоп прыгаю, там уже врукопашную схватились. Ну, я сапёрной лопаткой давай махать... Высотку, короче, мы взяли. А те слова Петькины я запомнил на всю жизнь. Просто сказал, без витиеватостей, а проняло до самого сердца... Ладно, Лёха, давай по последней – и расходимся.

«Печальный детектив» Валентине тоже понравился, хотя и показался несколько тяжеловатым, даже, как она выразилась, депрессия взошла из глубины души. Но людям должно понравиться, потому как необычно написано.

После этих слов я не смог скрыть невольной улыбки, которую Валя растолковала по-своему:

– Что, небось уже гонорар прикидываешь?

– Гонорар? Да ладно, не думаю, что это такие уж большие деньги. Хотя, конечно, в хозяйстве было бы подспорье.

– Так что, в Москву повезёшь?

– Первый раз нужно бы самому съездить. Связи наладить, выпить за знакомство, то, сё... Да шучу, шучу, в первый раз пить со мной никто не будет. И вообще, как ты успела заметить, я к этому делу равнодушен. В общем, нужно ехать. Планирую обернуться за один день. Утром я в Москве, вечером сажусь в обратный поезд.

Валентина пообещала, что выдаст мне необходимую сумму денег, чтобы и на билеты хватило, и на питание, и на проезд по Москве. Естественно, я кутить не собирался. Пообещал тратить спонсорские по минимуму.

Единственное: я же всё-таки, так сказать, прикомандирован к овощному магазину. На выходные ехать смысла нет, издательства не работают. А в будние дни я, получается, тружусь грузчиком. Это ж один день девчонкам самим придётся корячиться!

Но на следующий день произошло событие, которое сняло с меня груз этой ответственности. Руководство Валентины наконец расщедрилось и приписало к магазину официального грузчика. Сухой, невзрачный с виду 53-летний Петрович оказался довольно жилистым работягой и ловко таскал в одиночку весящие по полцентнера мешки с картошкой. Так что Валентина меня отпустила в Москву с чистым сердцем.

Правда, из-за Дня Победы поездку пришлось отложить. 30-летие разгрома фашистской Германии праздновалось в пятницу, 10-е и 11-е – соответственно суббота и воскресенье – тоже были выходные.

Страна с размахом отметила славную дату, а в Пензе в этот день открылся Монумент воинской и трудовой славы на площади Победы, куда пришли и мы с Валентиной. Я-то помнил монумент всю жизнь, поскольку родился через пять лет после его открытия, а это поколение стало свидетелями столь грандиозного события. Там, считай, весь город собрался. Большинство, само собой, ветераны войны, вполне ещё моложавые, на вид даже и не пенсионеры. Хотя и стариков тоже хватало.

Я смотрел на лица ветеранов, большинство из которых не доживут до 2015-го, и думал, что с распадом СССР в бывших союзных республиках отношение к ним резко изменится. В той же Прибалтике ветеранов вообще будут считать за оккупантов. Да и на Украине тоже, особенно после февральского переворота, когда к власти пришёл «шоколадный заяц» и националисты вконец распоясались. Хотя за свои заслуги в России почти все они получают и машины, и квартиры...

Вспомнилось, как в канун празднования очередного Дня Победы выступать перед нами, школьниками, пришёл ветеран, вся грудь которого была увешана юбилейными наградами. Потом мне уже сообщили, что этот якобы ветеран всю войну просидел в тылу, но свою

биографию всегда преподносит так, будто не вылезал с передовой. И даже был там ранен, хотя, как мне опять же сказали по секрету, «ранение» он получил на продуктовом складе, когда ему ногу придавило стеллажом с тушёнкой.

Да, были и такие, в семье, как говорится, не без уroda. Но большинство всё же честно проливали кровь на полях сражений. И сейчас эти ветераны, украсив грудь медалями и орденами, огромной толпой собрались здесь, у Монуmента воинской и трудовой славы.

Как мне услужливо напомнила моя профессиональная память, идея монумента возникла после того, как в 1968 году ветераны и участники войны начали собирать в один список имена всех погибших в Великой Отечественной войне пензяков. Уже была собрана информация о 114 тысячах павших, когда возник вопрос, что делать дальше с этим списком. В царские времена в память о жертвах войны строили часовню или церковь. Но сейчас, в эпоху развитого социализма и всеобщего атеизма, такая затея не прокатит.

Второй секретарь обкома КПСС Георг Мясников, получив информацию о сборе имён скорбного списка, заявил: «Надо памятник ставить! И не только тем, кто погиб, но и тем, кто ковал Победу в тылу. Памятник для всех...» Вот с его подачи работа по возведению памятника Победы и закипела.

Конкурс на проект памятника выиграли скульпторы из Ленинграда. Как-то мне попали в руки характеристики монумента: «Солдат и мать с ребёнком на плече, в руке ребёнок держит позолоченную ветвь, олицетворяющую торжество жизни. Выполнен в бронзе. Высота – 5,6 м, установлен на постаменте высотой 1,75 м. Пандусы, окружающие памятник, в общем ансамбле имеют форму 5-конечной звезды. В одной из стен пандуса – ниша. В ней – книга с именами воинов-пензяков, погибших в ВОВ».

Строительство памятника, начавшееся в 1973 году, стало поистине народной стройкой. Ведь монумент возводили не только за счёт государства, но и на добровольные пожертвования многих пензяков. Оказалось, что и Валентина, как и практически все ее коллеги, скидывалась на монумент. Так что она имела полное право с гордостью находиться в рядах пришедших сюда отпраздновать юбилей Победы.

На открытии был устроен митинг с участием первых лиц города и области. Из динамиков неслись поздравления, пожелания мирного неба надо головой и заверения, что советские люди не хотят войны, но если будет нужно, то все как один...

С торжеств пришли уставшими и уселись за праздничный обед, приготовленный Валентиной по такому случаю. Уже тогда салат оливье являлся неотъемлемой частью праздничного застолья. Подняли по бокалу вина. А ещё мне понравилась сладкая газировка в бутылках, не сравнить с тем, что стали продавать в будущем в пластиковых полторашках.

А вечером понедельника я сел в купейный вагон фирменного поезда «Сура». Если в моё время сесть на поезд без паспорта нереально, то в эпоху застоя проводницы документы и не думали проверять. Понятно, ни о каких чеченских террористах тогда и речи не шло. Другое дело, если вдруг в Москве попаду под проверку документов... Но я надеялся, что такого не случится.

Место в купе я занял первым, вскоре ко мне присоединилась семейная пара. Мелковатый муженёк рядом со своей дородной супругой смотрелся довольно забавно. Вера Николаевна, как представилась женщина, сразу заняла собой всё пространство. И не столько физически. Она тут же развила бурную деятельность, заставив стол традиционным пищевым набором советского пассажира: хлебом, жареной курицей, варёными яйцами, зелёным луком со своего подоконника и картошкой в мундире. Разве что помидоров с огурцами не хватало –

не сезон. До кучи украсила натюрморт настойкой из чёрной смородины, которую в своей деревне якобы делает её папаня.

[Купить полную версию книги](#)